

Б. Беломор

СЛЕДОВАТЬ НОВЫМ КУРСОМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Б. Беломор

Следовать новым курсом

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Беломор Б.

Следовать новым курсом / Б. Беломор — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-139369-4

Балканская кампания 1877–1878 гг. переросла в масштабное противостояние между Россией и Великобританией. На этот раз театр военных действий – Индийский океан, Атлантика, Средиземное море, воды, омывающие Африку и Северную Америку. Судьбы целых стран будут решать броня, тараны и пушки – но, главное, отвага и верность присяге. Три вчерашних мичмана уже приобрели бесценный боевой опыт – и готовность до последнего вздоха сражаться с врагами Российской империи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139369-4

© Беломор Б., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
I. Пепел Клааса	10
II. Берег турецкий	22
III. Романтики с большой дороги	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Б. Беломор

Следовать новым курсом

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 210

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Б. Беломор, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

Июнь 1878 г.

Аденский залив

Клипер умирал. Ютовое орудие изредка выплёвывало в сторону неприятеля столбы белого, воняющего серой и селитрой дыма. Ему вторила единственная чудом уцелевшая девятифунтовка, да таякала со шкафута револьверная пушка. Но крен неумолимо нарастал, обрекая любые попытки стрелять прицельно на неудачу.

Остальные орудия молчали. Сбитая снарядом фок-мачта придавила стоящую за ней шестидюймовую пушку. Впрочем, к этому моменту она уже вышла из строя – снаряд угодил в станину, своротив ствол и выкосив прислугу веером острых как бритва осколков. Третья, баковая шестидюймовка замолчала в самом начале боя, едва успев дать полдюжины выстрелов. Зазубренный кусок чугуна – донце неприятельской бомбы, намертво заклинивший подъёмный механизм, никак не поддавался ни кувалдам, ни ломам, ни яростным матерным тирадам, изрыгаемым осатаневшими канонирами. Сама бомба лопнула на полубаке, снеся крамбол, перебив пертулинь, рустовы и стопора якорной цепи правого станового якоря, и разлапистая чугунная махина сорвалась в воду и долго грохотала цепью в клюзе, проваливаясь в густосинюю океанскую пучину.

Впрочем, потеря якоря стала наименьшей из бед, постигших красавец-клипер. Созданный для боя с колониальными канонерками и деревянными безбронными корветами, демонстрирующими «Юнион Джек» в далёких портах, он встретился с кораблём, построенным для охоты на таких, как он, «истребителей торговли». Двенадцать шестидюймовок против трёх, плюс ещё два семидюймовых армстронговских орудия – это серьёзно, господа! И пусть британцы с упорством, достойным лучшего применения, ставят на свои броненосцы и винтовые корветы дульнозарядные орудия, в подмётки не годящиеся продукции крупновских заводов, украшающей палубы русских клиперов. Да, крупновские шестидюймовки стреляли гораздо чаще армстронговских, но с каждого борта британского корвета их палило не меньше полдюжины. А главное – изобретение островных инженеров, карапасная броневая палуба, выпуклым черепаховым панцирем прикрывающая котлы, машины и подводную часть судна. Корвету тоже досталось: фор-стенги нет, труба уполовинена попаданием русской бомбы, борта пестрят мелкими и крупными пробоинами. Но броня палубы исправно принимала на себя осколки и прилетающие по касательной снаряды – машина легко держала тринадцать узлов, а русский клипер, лишившийся половины котлов после попадания семидюймовой бомбы в котельное отделение, едва-едва развивал шесть. Британский корвет кружил вокруг жертвы, легко занимая положение, позволяющее поражать жертву орудиями всего борта – а когда повреждения от огня русских накапливались (они, надо признать, стреляли неплохо), быстро развернуться, меняя подбойный борт и не подставляясь при этом под неприятельский бортовой залп. А уж теперь, когда замолчали две из трёх русских шестидюймовок, оставался сущий пустяк – держаться в носовых ракурсах, безнаказанно расстреливая цель продольным огнём.

Наконец, замолчала и третья. Теперь клипер пылал от грот-мачты до кормы, и лишь с полубака часто и бессильно хлопала одинокая митральеза.

Кептен Джеймс Ист поднял бинокль, рассматривая мельтешащие в дыму фигурки русских матросов.

– Почему они не сдаются, Джорджи? Любому болвану должно быть ясно, что дело проиграно.

– Это русские, сэр, – Джордж Невилл стряхнул щепку, зацепившуюся за шеврон первого лейтенанта на рукаве. – Не думаю, что они спустят флаг. Конечно, у них случались позорные

истории, вроде сдачи фрегата «Рафаил» в двадцать девятом году туркам, но это редкость. Скорее уж, они сами затопят свой корабль, не то что...

Ист поморщился. Недосказанное первым лейтенантом неловко повисло в воздухе: «...не то что эскадра специальной службы...» Позор, позор! Да, броненосцы сэра Этли Купера Ки там, в Финском заливе, были окружены неприятелем, истерзаны, изувечены, многие лишились хода – но затопиться-то они могли! Или взлететь на воздух в вулканах бомбовых погребов, спасая остатки чести Ройял Нэви.

– Может, добьём самодвижущимися минами? – неуверенно предложил Невилл. – Мы ещё ни разу не опробовали их в деле, вот заодно и потренируемся...

Джеймс Ист опустил бинокль.

– Нет, Джорджи. Распорядитесь изготовить абордажную партию – за Королевским флотом должок, попробуем сегодня вернуть хотя бы часть.

Первый лейтенант коротко кивнул и пробежал по трапу со шканцев. Кептен довольно потёр ладони – в послужном списке очень даже неплохо будет смотреться захват русского клипера. И это – в первом же боевом походе новенького, с иголочки, винтового корвета её величества!

По палубе к оружейным пирамидам побежали морские пехотинцы, отмыкая цепочки, пропущенные в спусковые скобы и эфесы. Вклиниваясь в промежутки между залпами, засвистели боцманские дудки, по палубе застучали сотни крепких босых пяток – матросы, подгоняемые унтер-офицерами, спешили разбирать кортики, револьверы и топоры-интропели с крюком на обухе.

Русским понравится.

– Ну что, мичман, похоже, амба нам наступает?

Командир вытер набежавшую на лоб кровь. Крошечный осколок задел голову чуть-чуть – скользнул по макушке, но кровотечение никак не хотело уняться. Поверхностные раны в голову они такие: вроде и боли-то особой нет, не говоря уж об опасности для организма, а вот кровищи не меньше, чем от зарезанного поросёнка. Де Ливорн усмехнулся, промакивая кровь оторванным от кителя рукавом. В детстве, в поместье, отец заставлял его смотреть, как мужики колют свиней – длинным ножом под лопатку. А потом подвешивают тушу, чтобы спесть кровь...

Сегодня её, крови, ничуть не меньше, чем на бойне. Собственно, это бойня и есть: после каждого попадания по палубе проносится вихрь осколков, терзающих живую плоть, дробящих стёкла иллюминаторов, решетящих вентиляционные кожухи и огрызок трубы, торчащий из обугленной палубы. Жиденькая копоть от единственного еще действующего котла смешивается с дымом горящего палубного настила, рангоута, перемолотых в щепки шлюпок.

– Похоже, вы правы, Карл Карлович. Кабельтова на три сблизился, лупит почём зря. На картечь перешёл, подлец!

– Похоже, задумали нас взять ни за понюх табаку. А что? До Адена трое суток экономического хода – подведут пластыри, дотянут. Приходи кума любоваться...

Новый залп. Картечь, противно визжа, пронеслась над палубой. Собеседников, единственных оставшихся в живых офицеров клипера, спас лафет разбитого орудия, за которым они кое-как укрывались.

– Вот бы миной их сейчас, а? Вы же у нас минёр...

Мичман горько усмехнулся.

– Смеётесь, Карл Карлыч? Носовой аппарат разбит, минные рамы в хлам. Разве что метальной?... Дождаться, когда подойдут поближе, и вдарить!

Де Ливорн покачал головой.

– Не выйдет, дюша мой. Минный аппарат на катере разбит, а возиться с запасным, устанавливать для выстрела – кто ж нам позволит? Палуба насквозь простреливается, поди высунься!

– Да я всё понимаю. Это так, для разговору...

Командир клипера усмехнулся – усмешка больше походила на оскал. Капитан-лейтенант ни на миг не сомневался, что минёр (новоиспечённый, год как из морского училища – как и только-только вошедший в строй клипер) без колебаний наплевал бы на любой риск. Только вот незадача: кургузая медная труба бросательного минного аппарата весит больше десятка пудов, и ворочать его вдвоём не под силу. Да что там аппарат – им даже с миной, заострённой пятипудовой сигарой, начинённой пироксилином, сейчас не справиться. Были силы, да все вышли. Вернее, вытекли – вместе с кровью из дюжины глубоких и не очень ран. И распаханный от макушки до переносицы капитанский скальп – далеко не самая серьёзная...

Мичман приподнял голову, выглянул.

– Стрелять перестали, Карл Карлыч. Сейчас шлюпки спустят. А то борт о борт встанут. Чтобы, значит, не возиться...

Командир попытался повернуться. Получилось не очень – резкая боль пронзила развороченный осколком бок, отозвалась в раздробленном колене.

– Вы, голубчик, вот что... Раз англичашка стрелять перестал – вызывайте из низов машинистов с кочегарами, попробуйте сбросить ялик, что под кормой висит – он вроде не побит. Только сначала помогите мне добраться до минного погреба.

– Я с вами! – вскинулся мичман, но де Ливорн не желал слушать.

– И-и-и-эх, даже и не думайте. Вы, голубчик, хоть и мичманец, а всё же офицер. И за матросиков перед Богом и отечеством в ответе, за каждую живую душу. Давайте-ка поторапливайтесь, пока на корвете к абордажу изготавливаются. А обо мне не думайте, я всё равно в ялик спуститься не смогу. Кровью истеку или помру от боли.

Мичман хотел что-то возразить, но не посмел. Повернулся и, пригибаясь, посеменил к разбитому люку. Де Ливорн закаменел, ожидая выстрелов с корвета, – пронесло. Видимо, британские канониры не сочли одинокую человеческую букашку достойной картечного залпа.

Мичман добрался до люка, неловко, припадая на раненую ногу, ступил вниз и пропал из виду. Командир откинулся назад, опираясь на перекошенную станину, и принялся, шипя от боли, засовывать под сорочку сложенный вдвое рукав.

Если повезёт – у него будет ещё четверть часа. Только бы на ялике успели подальше отгрести от обречённого клипера.

Нет, лихого абордажа в стиле Нельсона и Дрейка не получилось. Но всё же блудливая портовая девка Фортуна проявила некоторую снисходительность к бронепалубной посудине её величества: из хранившихся в минном погребе русского клипера полудюжины самодвижущихся и десяти бросательных мин сдетонировали только три. Столб огня разломил корпус пополам, обрушил грот-мачту стоящего рядом корвета, вырвал немаленький кусок борта, уничтожив заодно скрывающуюся за планширем шестидюймовку вместе с расчётом. Сгинули, словно их и не было, три десятка матросов и морских пехотинцев абордажной партии, успевших перебраться на «трофей» или только готовившихся это сделать. Но кованая железная броня приняла на себя удар, и корабль остался на плаву. Он даже сохранил ход, ухитрившись кое-как доковылять до Адена, где и остался до конца войны – вернее, до иных событий, о которых у нас ещё пойдёт речь. И уже оттуда, из британской твердыни, прочно оседлавшей южную оконечность утопающего в раскалённых песках полуострова, телеграф разнесёт весть о славной победе королевского флота.

Правда, сполна насладиться лаврами победителя кептен Джеймс Ист уже не смог. Вместо него корвет привёл в порт штурманский офицер Уильям Грили – прочее корабельное начальство, включая старшего офицера Джорджа Невилла, старшего артиллериста и лейтенанта мор-

ской пехоты, возглавлявшего абордажную партию, было сдуто, обращено взрывом в ничто. И уж конечно, у команды искалеченного корвета не было ни времени, ни желания возиться с болтающейся в волнах шлюпкой, на которой спасались остатки русского экипажа. Живы – значит, судьба к ним благосклонна. Если, конечно, сумеют догрести до недалёкого, всего в тридцати морских милях, берега. Океан безразличен к кровавым игрищам людей, снующих по его поверхности. Он принимает всех, не делая различий ни по крови, ни по цвету кожи, ни по вере или отсутствию таковой. Как напишет однажды поэт, которого ещё назовут певцом этой великолепной эпохи:

We have fed our sea for a thousand years
And she calls us, still unfed,
Though there's never a wave of all her waves
But marks our English dead:
We have strawed our best to the weed's unrest,
To the shark and the sheering gull.
If blood be the price of admiralty,
Lord God, we ha'paid in full!¹

Или – не назовут? Скрипучая телега истории уже свернула с накатанной колеи и с каждым оборотом колеса углубляется в неизвестность. И – кто знает, что за певцы будут у иного, изменившегося до неузнаваемости времени?

¹ Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солон
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками – и все не сыт.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, счет покрыт!
Р. Киплинг. Песнь Мёртвых

I. Пепел Клааса

*Санкт-Петербург, Невский проспект
...июля 1878 г.*

– А всё же кофе у «Жоржа Данона» не очень, – заметил Серёжа, ставя крошечную, с золотым ободком, чашечку на блюде. – Вот, помнится, в Гельсингфорсе...

– Было, как же, – отозвался собеседник, тоже морской офицер, судя по погонам, капитан второго ранга. – Все уши прожужжала о визите в это заведение. Даже супругу мою потом соблазнила. Говорит – нечто феерическое!

Серёжа кивнул. Прежде он не слишком-то разбирался в тонкостях приготовления заморского напитка, по привычке предпочитая ему чай. Спасибо пожилому шведу, владельцу кофейни на углу Михайловской, куда он частенько заходил во время долгих прогулок по городу. Отставной боцман торгового флота варил кофе самолично – и не только варил, но и обжаривал зёрна, доставленные напрямую из Бразилии в джутовых мешках с фиолетовыми клеймами португальских экспортных фирм и германского Ллойда. Он-то и приучил мичмана Казанкова к этому напитку – а заодно и к крошечным, изумительно вкусным булочкам с корицей под румяной хрустящей корочкой. Увы, столичные кофейни, даже такие известные, как «Жорж Данон», не могли похвастать ничем подобным.

Нина, племянница капитана второго ранга Повалишина, тогдашнего Серёжиного непосредственного начальника, командовавшего монитором «Стрелец», нередко сопровождала молодого человека в прогулках по городу. На гельсингфорсской эспланаде, на бульварах и проспектах, так похожих на петербургские, и родилась их приязнь, переросшая со временем в нечто большее, и теперь лейтенант Казанков запросто заходил в дом на углу Большой Морской и Конногвардейского, где квартировало семейство Повалишиных, на правах жениха. Свадьбу, правда, пришлось отложить – война-с, да и разрешение жениться флотским лейтенантам просто так не дают. К тому же жених, получивший назначение на захваченный у англичан фрегат «Клеопатра», скоро отбудет в дальние края. Дядя же невесты (он выполнял роль опекуна) покинул госпиталь и, хоть и ходит опираясь на трость, уж конечно, не засидится в столице. Война, начавшаяся после торжественного взятия Константинополя, тянулась уже почти полгода. И, несмотря на немалые успехи, конца пока не просматривалось в океанских просторах, где по-прежнему господствует Британская империя...

Так что с флёр д'оранжем, фатой и прочими свадебными финтифлюшками придётся повременить до полной победы русского оружия. А пока двое мужчин неспешно беседовали в зеркальном зале одной из лучших столичных кофейен.

Петербург вам не Кронштадт, не Гельсингфорс. Порядки здесь задаёт гвардия, лейб-гусары, конногвардейцы, семёновцы с преображенцами. Но теперь любимцы публики – моряки; после блестящей весенней кампании, после триумфов Свеаборга и Северного фарватера им особый почёт и уважение. Вот такому молоденькому, только-только произведённому лейтенанту, на чьём мундире алеет Владимир с мечами и бантом из чёрно-красной орденской ленты – любому ясно, где он мог его заслужить! Вот и кидают почтительные взгляды важные петербургские обыватели, студенты, заглянувшие к «Данону» после лекций, дамы в лёгких летних мантиях, решившие побаловать себя чашечкой шоколада, и даже сопровождающие их лейб-кирасиры, позвякивающие, по случаю пятницы, палашами в зеркальных ножнах. Можно неспешно развернуть газету, отгородиться от изучающих, восторженных, завистливых взглядов, сделать маленький глоток ароматной жидкости (эх, не тот кофе, совсем не тот!) – и продолжить неспешную беседу двух знающих людей.

А поговорить сегодня есть о чём.

– Ну вот, полюбуйтесь: уже третий наш рейдер потоплен!

Кавторанг в раздражении ткнул никелированной ложечкой в газетный разворот.

– Неужели наша доктрина крейсерской войны в океанах оказалась ошибочной? Разумеется, у англичан ажиотаж, рост страховых ставок и всё такое, – но, на мой взгляд, особых неудобств они пока не испытывают.

– Как по мне, воздействие это в первую очередь нравственное, – уверенно возразил Серёжа. Он ещё утром прочитал заметку о гибели в Аденском заливе русского военного клипера «Крейсер» и успел всё хорошенько обдумать. – К тому же прикиньте, сколько вымпелов занято сейчас охотой за нашими рейдерами! А онигодились бы господам просвещённым мореплавателям этой весной, на Балтике! Да и потери в торговых судах они тоже несут, не считая даже стоимости грузов. Морская торговля суть Британской империи, а мы бьём именно туда. Что до результатов – ничего, Иван Фёдорович, будут и результаты. Вот выберемся мы на «Клеопатре» из балтийской мышеловки, а уж там развернёмся вволю! Это ведь, – он ткнул пальцем в столбцы газетной статьи, – только первые ласточки. Помните, я показывал вам письмо барона Гreve, моего однокашника, о набеге на Сингапур?

Повалишин покивал.

– Да, друг мой, помню. И сочувствую от всего сердца. Остаётся надеяться, что ваш товарищ уцелел. В телеграмме из Адена, на которую ссылается британская «Таймс», сказано, что часть команды спаслась на шлюпке.

– Надеяться, конечно, надо, – Серёжа пожал плечами и пригубил кофе, – да только барон тут ни при чём, газетчики всё переврали. Я давеча письмецо от него получил – штемпель, не поверите, бомбейский! А отправлено из голландской Батавии, оттуда пакетботы ходят в Бомбей, Калькутту и порт Карачи. Я это к тому, что письмо датировано двумя днями позже несчастной баталии, так что «Крейсер» там ну никак не мог оказаться.

– Кто же тогда? – озадаченно нахмурился Повалишин. – «Джигит», «Аскольд», может, «Богатырь»? «Витязь»-то ещё в мае погиб, встретившись с «Трайумфом» под флагом адмирала де Хорси.

Серёжа удивлённо поднял брови.

– Позвольте, это тот флотоводец, что, с позволения сказать, отличился в знаменитой баталии с перуанским монитором?

– Он самый, – подтвердил кавторанг. – К несчастью для нас, Хорси сделал из этой истории правильные выводы и настоял, чтобы в состав Тихоокеанской станции были включены и броненосные суда. На один такой не повезло напороться «Витязю». Меня одно только удивляет: «Витязь», конечно, не самый лучший ходок, а всё же пошустрее этого утюга. Очень даже просто мог уйти!

– Так то по бумагам, Иван Фёдорович! – невесело усмехнулся молодой человек. – Наши корветы по году с лишком в походе – обрастание днища, машины разболтаны, котлы засолились. К тому же «Трайумф» был не один – его сопровождал «Шах», тоже, кстати, герой той эпической битвы с «Уаскаром». Догнал «Витязя», навязал ему бой, – а там и броненосец подтянулся. У Чухнина не было ни единого шанса.

– ...И пришлось Григорию Павловичу выбросить побитый снарядами корвет на камни. Не с их калибрами тягаться с броненосцем: продолжая безнадёжный бой дальше, он только понапрасну людей бы погубил. Хорошо хоть, британцы не решились забрать их в плен: погода портилась, рискованно было подходить к берегу, высаживаться. А так, двумя неделями позже их подобрал перуанский угольщик и доставил в Лиму.

Серёжа согласно кивнул.

– В газетах писали, что контр-адмирал Мигель Грау, тот самый, что командовал в том бою «Уаскаром», задал им грандиозный приём в лучшем отеле перуанской столицы.

Повалишин отпил кофе, задумчиво покатал на языке послевкусие – и что его собеседник нашёл в этом горьком бразильском вареве? – и продолжил:

– Так я о бое в Аденском заливе. Вы полагаете, это был не «Крейсер»?

– Судя по описанию, приведённому в газете, – скорее, клипер «Джигит». Ясно ведь указано: парусное вооружение барка, а у корветов типа «Богатырь», как вам, должно быть, известно, бизань несёт марсель с брамселем. Да и больше он как бы не вдвое – две тысячи сто пятьдесят тонн водоизмещения против едва тысячи трёхсот у клипера. И шестидюймовок не три, а все шесть. Мудрено обознаться!

– Ну, это вы хватили, батенька... – ухмыльнулся Повалишин. – Журналисты – известные путаники, они вам и башенный фрегат монитором обзовут за милую душу.

Мужчины допили кофе. Серёжа позвал официанта и велел принести пирожных – для Нины и Ирины Александровны, супруги кавторанга.

– На «Джигите», кстати, тоже мой знакомец служит, Коля Рейценштейн, – заметил лейтенант, принимая у служителя нарядную, с золочёным тиснением коробочку. – Он, правда, на два года старше был в училище – мичмана получил в семьдесят пятом, а на «Джигит» попал двумя годами позже, после минного офицерского класса в Кронштадте.

Повалишин сложил газету.

– «Джигит», значит... жаль, славный был кораблик. И новый совсем – в семьдесят шестом на воду спущен. Кстати, по поводу вашего назначения, друг мой: дошли до меня любопытные слухи из-под шпица... давайте-ка прогуляемся по Невскому, и я всё детальнейше изложу. Уверен, вам будет интересно.

И встал, тяжело опираясь на трость. Рана, полученная кавторангом в бою на Северном фарватере, ещё давала о себе знать.

– ...датчане заключили с кайзером Вильгельмом временный союз – и закрыли Датские проливы для судов воюющих сторон. Действия великих держав, вишь ты, угрожают миру и спокойствию в регионе, а значит – ни-ни! Кайзер подтянул к проливам свой флот, и в первую очередь – миноносную эскадру под командованием некоего Тирпица...

Серёжа с Повалишиным неспешно шагали по Невскому. Июльская погода радовала душу, весело тархтели по брусчатке железные шины пролёток да звякали неспешно ползущие вагончики конки – империялы, заполненные до отказа, мелькали картузы, студенческие и гимназические фуражки, малиновые шапочки рассыльных. Торопиться решительно некуда – «Клеопатра» встала на балтийском заводе на переборку машины, и Серёжа уже третий день маялся бездельем.

– Как вы говорите, Тирпиц? – переспросил он. – Никогда о таком не слышал.

– Пока сей господин прославился лишь тем, что реорганизовал вверенные ему миноносные силы в некий загадочный «миноносный инспекторат» – только, бога ради, не спрашивайте меня, что сие означает! Так вот, флот кайзера – вернее, то недоразумение, которое он почему-то именует флотом, – соединился с датчанами. После чего датский адмирал, держащий флаг на двухбашенном мониторе «Рольф Краке» – прославленная, между прочим, посудина, отличалась ещё в 1864-м, во время Второй Шлезвигской войны, – объявил во всеуслышание, что на вверенных ему кораблях полным-полно гальваноударных мин системы Герца. И если противоборствующие стороны вознамерятся форсировать проливы, неважно, с какой стороны, – он завалит ими все узости, а там хоть трава не расти!

– Дивны дела твои, Господи! – покачал головой Серёжа. – Чтобы германцы с датчанами выступили заодно, да ещё и по такому поводу! Вроде и те и те нам друзья: Вильгельм не знает, как угодить государю, чтобы его благосклонностью упрочить своё положение в Эльзасе и Лотарингии. А датская принцесса Дагмара так и вовсе супруга наследника престола. А тут – мины, блокада проливов...

– Потому и блокада, что друзья! – тонко усмехнулся кавторанг. – Тут, брат, большая политика. Ну и стратегия, конечно: хоть мы англичанам холку и намылили, но списывать Ройял Нэви со счетов пока ещё рано. Не так уж много мы сможем сейчас вывести вымпелов – Свеаборгская виктория далась нам дорого, многие корабли требуют ремонта. Только и хватит сил, чтобы немцев с датчанами с тылу подпереть и шведам подать намёк – не вздумайте трепыхнуться, худо будет...

Готовя экспедицию в Финский залив, британский адмирал Эстли Купер рассчитывал захватом крепости Свеаборг и столицы великого княжества Финляндского подать злопамятным шведам сигнал, что пора вернуть владения, отторгнутые семьдесят лет назад у шведской короны. И теперь подданным Оскара-Фредрика оставалось лишь копить злобу за крепостными верками Стокгольма, опасаясь потревожить восточного соседа, необъяснимо оседлавшего военную удачу.

– Я к чему это говорю? – продолжал меж тем Повалишин. – Твоя «Клеопатра» наверняка войдёт в состав эскадры, которую отправят на Балтику. Дело, конечно, нужное – но признайся, друг мой, разве ты этого желал?

Серёжа, помедлив, кивнул. Недавно произведённому в лейтенанты, успевшему уже хлебнуть лиха и распробовать вкус победы, грезилась лихие крейсерства в океанах, на торговых путях Британской империи, о которых так увлекательно писал в своих письмах Карлуша Грече. А тут – изволь, как некогда на практическом отряде морского училища, болтаться на линии Сааремаа – Готланд, ни в коем случае не высовываясь западнее Борнхольма...

– Большого пока сказать не могу, уж извини, – Повалишин добавил в голос загадочности и едва заметно подмигнул собеседнику. – Но ежели имеешь намерение найти дело поживее – завтра, часика эдак в три пополудни, тебя ждут под шпием вот в этом кабинете. Его хозяин – мой старинный знакомец по морскому училищу. Уверен, его предложение тебя заинтересует.

И протянул юноше визитную карточку, на оборотной стороне которой имелись наспех выведенная карандашом надпись и номер.

– Спрячь, дома рассмотришь, – посоветовал кавторанг. – Но только уговор: племяннице моей дражайшей, как, впрочем, и Ирине Александровне, ни слова! Если прознают, что это моя затея – со свету сживут!

Серёжа торопливо кивнул, старательно пряча квадратик картона за обшлаг. Конечно, Нина будет недовольна, – но ведь на то и флотская служба, чтобы невесте ждать на берегу суженого...

Мысли юноши были целиком заняты неясными перспективами, связанными с посещением неведомого кабинета под шпием, а потому он не обратил внимания на двух мастеровых, починявших на углу Невского и Екатерининской набережной афишную тумбу. А те отлично его заметили. Один, худощавый, с длинными, словно у цапли, ногами и острым лицом, подходящим скорее студенту, а не подмастерью, – вздрогнул, уронил пилу-ножовку и бочком попятился за тумбу. А потом долго сверлил затянутую кителем спину лейтенанта пронзительным, ненавидящим взглядом.

Газета «С.-Петербургские ведомости»

...июля 1878 года

Срочно из Триеста:

...На переговорах о мире между Российской империей и Османской Портой вновь поднят вопрос о европейских владениях Турции. Владыка Черногорский Данило III продолжает настаивать, что Метохия-Гацко, Подгорица, Никшич и прочие города, городки и селения вилайета Ишходара должны отойти княжеству Черногория. В этом его поддержал светлейший князь Горчаков, возглавляющий нашу делегацию на переговорах, а также

германский канцлер Отто фон Бисмарк. Дальнейшая судьба албанского пашалыка...

Нам пишут из Первопрестольной:

...Руководители Московского биржевого союза объявили о крупном пожертвовании для греческих патриотов, сражающихся против османского владычества в Архипелаге. Средства пойдут на приобретение и оснащение каперских судов, а также на внесение залогов в размере 10 000 рублей золотом на каждое каперское свидетельство, подтверждающее право на действия против торгового и коммерческого флота Османской империи. Свидетельства выдаются российским посланником в Афинах на основании «Правил о партикулярных корсарах» от 1788 г....

Новости из Афганистана:

...Генерал-адъютант от кавалерии Гурко, командующий Особым Туркестанским корпусом, присутствовал на торжественном обеде, данном в Кабуле эмиром Шир-Али по случаю блестящей победы союзных русских и афганских войск у города Желалабад над британскими экспедиционными силами. Сын эмира Якуб-хан, возглавлявший в этом сражении афганские войска, преподнёс генерал-адъютанту Гурко индийскую саблю в золотых, украшенных изумрудами ножнах и кровного жеребца английской породы. Сабля и жеребец принадлежали ранее генерал-майору Фредерику Робертсу, начальствующему над английским отрядом; в этом сражении он был убит. В ответ генерал-адъютант Гурко презентовал Якуб-хану шесть четырёхфунтовых бронзовых полевых пушек новейшей системы для вооружения его личной гвардии. Также нашим афганским союзникам были переданы две с половиной тысячи винтовок Пибоди-Мартини из числа взятых во время недавней победоносной кампании на Балканах...

Парижская «Фигаро» сообщает:

...Среди лиц, близких к президенту, циркулируют слухи о новых разногласиях между Французской республикой и Британией. Согласно этим слухам, лорд Дизраэли потребовал объяснений по поводу состоявшихся недавно военно-морских учений французского флота. В ответ президент Гриви будто бы намерен...

Наш корреспондент в Копенгагене известил:

...Приходят сообщения о перемещениях кораблей германского и датского военных флотов к северу от острова Сальтхольм в проливе Каттегат. Также в проливе Большой Бельт замечены суда, производящие учения по спуску морских мин со специально приспособленных для этого понтонов...

Санкт-Петербург, Летний сад

...июля 1878 г.

Серёжа небрежно бросил сложенную газету на скамейку. Он и сам толком не понимал, зачем её купил – столичные «Ведомости» доставляли на квартиру Повалишиных, где лейтенант обитал во время вынужденного пребывания в Петербурге. Вот и эти заметки он успел проглядеть с утра – хозяин дома, обычно просматривающий утренние газеты прямо за столом (привычка, с которой его супруга безуспешно боролась уже много лет), деликатно уступил это право гостю. Понимал, что тому надо привести в порядок мысли, успокоиться перед важным визитом. Потому и спросил, желая отвлечь гостя:

– Вы, Сергей Ильич, давеча допоздна засиделись в гостиной за книгой. Что-нибудь занятное попало?

Вместо ответа Серёжа показал потрёпанный томик на французском, купленный третьего дня в лавке букиниста на Литейном.

– Шарль де Костер... – прочитал кавторанг. – «Тиль Уленшпигель». Как же, слышал, занятная книжица. Особенно где речь идёт о морских партизанах, гёзах. «Пепел Клааса бьётся в мою грудь» – оттуда, кажется?

Серёжа кивком подтвердил его слова – рот был занят омлетом с ветчиной.

– Если хотите знать моё мнение, – продолжил Иван Фёдорович, листая книжку, – на войне не место таким страстям, как жажда мести и ненависть. Ни к чему хорошему они не приведут. К счастью, у нас, моряков, убийство – а куда ж на войне без него? – принимает характер опосредованный. Согласитесь, в прилетевшей с дистанции в полторы морских мили чугунной бомбе непросто разглядеть человека, врага, даже если он и убивает этой самой болванкой твоих товарищей...

Юноша кивал, торопливо дохлёбывая чай. Слова Повалишина он пропустил мимо ушей – голова была целиком занята предстоящим визитом в Адмиралтейство. «Под шпиц», как принято говорить среди флотских офицеров.

И вот – всё осталось позади.

Покинув здание Адмиралтейства через одно из боковых парадных, Серёжа пошёл по Дворцовой набережной и, сам того не заметив, оказался здесь, на аллеях Летнего сада, сидящим на скамейке. Ненужная газета шелестела страничками рядом, и служитель, проходивший мимо с метлой и корзинкой для мусора, неодобрительно покосился на неё. Но ничего не сказал – не в здешних правилах тревожить приличную публику. А другой в Летнем саду не водилось – армянское да поддёвочное простонародье, как и нижние чины всякого рода оружия, сюда не допускались: глазели на господские променады из-за кованого кружева Невской ограды.

Подумать Серёже было о чём. Однокашник Повалишина, капитан второго ранга (тьфу, пропасть, фамилия вылетела из головы!), предложил Серёже сесть, сгонял вестового за чаем – и огорошил неожиданным предложением.

– Вы, вероятно, знаете из газет, – неторопливо, размеренно, словно на лекции, рассказывал кавторанг, – о наших действиях на океанских театрах. Успехи их несомненны, и сейчас самое время нарастить масштаб охоты на британских торгашей, однако сделать это, увы, не так-то просто. Два рейдера погибли, ещё от трёх мы не имеем известий. Клипер «Разбойник» и фрегат «Светлана», сильно пострадавшие от тропических штормов, укрылись в нейтральных портах и вряд ли быстро вернуться к прежнему занятию. Способов же вывести на океанский театр корабли с Балтики нет и пока что не предвидится...

С этими словами владелец кабинета протянул гостю бювар, наполненный вырезками из иностранных – по большей части английских и голландских – газет, посвящённых действиям русских крейсеров. Подождал, прихлёбывая чай, когда гость бегло просмотрит вырезки, после чего продолжил в той же лекторской манере:

– Предвидя подобный поворот событий, правительство ещё в конце прошлого года начало переговоры о приобретении в Североамериканских Штатах пароходов для переделки их во вспомогательные крейсера. Для этого в марте из Гамбурга в североамериканский порт Саут-Вест-Харбор вышел зафрахтованный германский пароход «Цимбрия», на борту которого помимо шести с половиной сотен флотских офицеров и нижних чинов находились закупленные на заводах Круппа новейшие морские орудия, а также материалы для устройства палубных подкреплений. В апреле, незадолго до вторжения британской эскадры в Финский залив, «Цимбрия» прибыла к месту назначения. Работы по переделке закупленных судов были проведены в авральном порядке, и уже в конце июня три из них, под новыми названиями «Азия», «Африка» и «Европа», вышли на большую океанскую дорогу.

Серёжа ловил каждое его слово. Среди морских офицеров, его сослуживцев, давно ходили разговоры об американских рейдерах, но подробности о них черпали по большей части из тех же заграничных газет.

– Начинание было признано удачным, и месяц назад правление императорского общества содействия русскому торговому мореходству выступило с предложением: приобрести в Германии несколько быстроходных торговых судов, для чего учредить комитет по устройству добровольного флота, а также открыть подписку для сбора необходимых сумм. Идея это получила всемерную поддержку, причём суммы, потребные для закупки судов, были образованы из личных средств великих князей и самого государя, а также из пожертвований, сделанных нижегородским, петербургским и московским купечеством. В результате две недели назад были приобретены у гамбургско-американского акционерного общества четыре океанских грузопассажирских парохода: «Гользация», «Тюрингия», «Гаммония» и «Саксония», вместимостью около трёх тысяч регистровых тонн каждый. Несколько раньше у Круппа закупили орудия калибра двести десять, сто семьдесят и сто пятьдесят миллиметров, а также боекомплект, по двести восемьдесят выстрелов на ствол.

Серёжа уже понял, куда клонит собеседник, и боялся вздохнуть, чтобы не спугнуть летящую прямо в руки птицу удачи.

Впрочем, поправил он себя, удача тут ни при чём. Происходящее подчинялось неумолимой логике административной системы, морской стратегии и военного снабжения, а рядом с ними не место столь ненадёжным романтическим материям.

– Для службы на этих судах набираются исключительно добровольцы. Как и те, кто ранее отправился в Североамериканские Штаты, они получают солидные подъёмные средства: мичман – четыреста рублей, лейтенант – шестьсот рублей, капитан-лейтенант – так и все восемьсот. Так что недостатка в охотниках, как вы понимаете, нет, и только ваши блестящие заслуги в недавней кампании...

Лейтенант задохнулся от возмущения. Какие ещё, к свиньям, деньги? Да он готов на свои средства отправиться хоть в Германию, хоть в САСШ, только бы не упустить такой замечательный шанс!

Разумеется, он согласился. Получил от предупредительного кавторанга бумаги, выслушал инструкции:

– Завтра вам, голубчик, надлежит зайти в кабинет номер... чтобы оформить согласно установленному порядку... – и вот сидел на скамейке в Летнем саду, раз за разом прокручивая в голове услышанное в Адмиралтействе. До вечера, когда аллеи Летнего сада до отказа заполняет фланирующая публика, было ещё далеко – только цокали изредка по дорожкам франты на англазированных кобылах, их спутницы элегантно сидели бочком в мудрёных дамских сёдлах. Мелькали меж деревьев шумные стайки студентов – служители бдели, чтобы они не устраивались на траве, расстелив пледы, с бутылками пива и связками баранок, – да чопорные гувернантки выгуливали девочек в кружевных платицах и румянощёких мальчуганов в неизменных матросках и коротких, до колен, штанишках. Но Серёжа всего этого не замечал – перед его глазами дышали океанские просторы, ходили от горизонта до горизонта серо-стальные валы, валяющие с борта на борт вспомогательный крейсер «Москва», на котором ему предстояло служить старшим артиллерийским офицером...

Молодой человек помотал головой, отгоняя упоительное видение. Следовало подумать о делах иного рода – теперь-то уж ясно, что имел в виду Повалишин, предрекая ему непростое объяснение с Ниной. Пожалуй, прикинул молодой человек, лучше провести разговор не дома. Например, пригласить девушку прогуляться по Невскому. Зайти в какой-нибудь модный магазин, потом отобедать у того же «Жоржа Данона» – и уже за столиком, между делом... Нина, конечно, расстроится, но устраивать сцену на людях, пожалуй, не решится – а там и отойдёт,

поймёт, порадует за него. В конце концов, она ведь племянница морского офицера, а значит, должна понимать!

Приняв это решение, Серёжа испытал немалое облегчение. Он извлёк изящный, в латунной обложке блокнотик, вырвал страницу, черкнул несколько строк карандашом. Выйдя из ворот Летнего сада на набережную Мойки, он подозвал рассыльного в ярко-красном кепи с блестящим жестяным номером и отправил с запиской на Большую Морскую. В депеше Нине предлагалось нисколько не медля брать извозчика и катить на Невский, угол Екатерининской набережной, где он будет её ждать, начиная с пяти часов пополудни.

*Санкт-Петербург,
Екатерининская набережная
...июля 1878 г.*

Ждать пришлось куда больше часа. Впрочем, другого чего Серёжа и не ждал – уважающая себя барышня непременно опоздает на свидание, да ещё и назначенное столь вольным способом. Нет чтобы прийти самому, с букетом, приобретённым в хорошей цветочной лавке! Тогда, конечно, тоже придётся подождать – всякой приличной девушке нужно время на сборы, и время немалое. Но в три четверти часа, пожалуй, можно было бы и уложиться...

Букет, правда, имелся. Серёжа предусмотрительно приобрёл его у девчонки-цветочницы, устроившейся со своей корзинкой на противоположной стороне Невского, напротив Казанского собора. И прохаживался весь час, заложив букет за спину и страдая от нелепости своего положения. Ему казалось, что взгляды прохожих обращены на него, и во всяких глазах угадывал сочувственную насмешку: «Что, братец, ждёшь? Ну, жди-жди, то ли ещё будет...»

Нина подъехала, когда часы на углу показывали без четверти семь. Солнечно улыбнулась жениху, спрятала на миг лицо в лепестках цветов – Серёжу захлестнуло волной незнакомого аромата – и торопливо продела руку в шёлковой бежевой перчатке в его локоть.

– Куда пойдём, друг мой?

– Спозвольте пройти, вашбродие! – раздалось из-за спины. Юноша обернулся, торопливо посторонился, пропуская двоих заляпанных извёсткой мастеровых, торопившихся с охапкой инструментов своего ремесла к давешней тумбе на углу. Тот, что шёл впереди, поставил на тротуар ведро с кистями, содрал с тумбы рогожи, с натугой поднял плетённый короб и пропихнул его в большую дыру в боку тумбы. Серёжа обратил внимание, что мастеровой обращается со своей ношей необычайно осторожно. Второй, высокий, с журавлиными ногами, волокущий лестницу-стремянку, едва не задел прохожего – полного усатого господина в рединготе и чёрной как сажа шляпе-котелке, буркнул что-то извинительное и потянул из кармана конец бечёвки. Обиженный господин попятился, пробурчал брюзгливо: «Развели безобразие, а ведь тут государь император ездит! И куда только смотрят градоначальник с полицмейстером?» – и в подтверждение своих слов махнул рукой вдоль Екатерининской набережной.

Серёжа повернулся. Со стороны Конюшенной площади приближался царский кортеж. Это был так называемый малый выезд – шестёрка лейб-конвойцев и закрытый возок. Городовые уже вовсю суетились, расчищая дорогу, взлетали зонтики, шляпки, картузы, неслись приветственные возгласы. Серёжа собрался было увлечь спутницу в сторону, освобождая проезд, и в этот момент встретился взглядом с долговязым мастеровым.

Он узнал его сразу – тот самый студент-правовед из трактира на Измайловских линиях, заподозривший в Серёже филёра; «чижик-пыжик», осмелившийся нагругить Нине в гельсингфорсской кофейне и потом едва-едва не сцепившийся с Серёжей в поединке в заснеженной подворотне.

Но что он делает здесь, в фартуке мастерового? Почему сменил тросточку, скрывающую смертоносный клинок, на ведёрко с извёсткой? Серёжа оглянулся на спутницу. Лицо Нины вдруг заострилось, сделалось жёстким – она тоже узнала недоброго знакомого.

Кортеж тем временем приближался. Господин, возмущавшийся беспорядком, устроенным мастеровыми, бочком попятился к чугунному парапету – рука приподнимает в приветственном жесте котелок, круглая, усатая физиономия расплывается в приветственной улыбке. Городовой одной рукой берёт под козырёк, другой задвигает за спину не в меру шустрого сорванца в гимназической рубахе. Конвойцы по двое поворачивают, огибая тумбу, ещё миг, и копыта гнедых коней зацокают по брусчатке Невского.

Долговязый правовед замер в неестественной позе, будто перекошенный на левый бок. Глаза прикованы к Серёже, губы что-то неслышно шепчут. Вот он попятился, бросил взгляд на царский возок – и неожиданно пустился наутёк, оскальзываясь на своих ногах-ходулях. Стремянка со стуком полетела в сторону, задребезжало ведёрко, расплёскивая по мостовой огромную белую кляксу.

Позже, когда Серёжу подробно расспрашивали о трагических обстоятельствах этого дня, он так и не смог ответить, почему заорал во весь голос: «Держи! Стой, каналья!» и кинулся следом. В спину ему ввинтился свисток городского, ударили тревожные крики столпившихся обывателей, злобный визг конвойских жеребцов. От раскуроченной тумбы змеилась, разматываясь из кармана фальшивого мастерового, тонкая бечёвка, из тех, какой в лавках завязывают пакеты с покупками. Вот она размоталась до конца, натянулась, и...

Идея кислотного взрывателя очень проста. Разумеется, о его конструкции нельзя было прочесть в журнале «Нива», но ведь именно для этого и существуют товарищи по борьбе? Пачку тетрадных листков с подробным изложением всего, что касалось изготовления опасного устройства, неделю назад передал долговязому правоведу один из членов боевой группы.

В плоской жестяной коробочке, завёрнутые в хлопчатую вату, покоились две стеклянные трубочки со стеклянными же шариками на концах – творение неведомых финских стеклодувов. Один из шариков был сплошным, в другом было оставлено отверстие. Через это отверстие в трубочку следовало влить серную кислоту и тщательно запаять отверстие крышечкой из медной фольги.

Трубочки с кислотой и были главными элементами запалов. Для взрыва («детонации», как говорилось в приложенной к коробочке инструкции) достаточно было одного, но для надёжности рекомендовалось использовать оба.

На свет появились два куска свинца. «Чижик-пыжик» отлил их из старой вагонной пломбы – чтобы раздобыть её, пришлось вечером пробираться на запасные пути железнодорожной станции. Форма для отливки представляла собой толстый диск с отверстием посредине. Когда готовое изделие остыло, он проточил по внешней стороне желобок, а потом разрубил готовое изделие надвое. Сложил обе половинки вокруг запальной трубки, после чего аккуратно, чтобы не раздавить хрупкую штучку, обмотал проволокой и закрепил. Теперь свинцовая чушка охватывала трубочку, но не плотно, а с зазором – так, что могла свободно скользить по ней от одного шарика до другого.

Теперь, если уронить или хорошенько встряхнуть запал, свинцовый грузик раздавит тонкое стекло, и кислота попадёт на смесь бертолетовой соли с сахаром. Смесь воспламенится, инициируя крошечную порцию гремучей ртути, от которой предстояло сработать основному заряду – гремучему студню с камфарой.

Взрывчатую смесь, как и конструкцию самого запала, разработал один из членов боевой группы – изобретатель, инженер и превосходный химик. Правовед не знал его имени, правила конспирации чрезвычайно строги, но искренне восхищался товарищем, поставившим свой талант на службу борьбе с тиранией. Устройство было изначально разработано для того, чтобы бросать его рукой, как динамитную бомбочку-македонку, столь популярную на Балканах. На этот раз использовать его предстояло иным способом: рывком бечёвки сдёрнуть установлен-

ную внутри афишной тумбы бомбу. Упав наземь (к бомбе для верности были прикручены проволокой два кирпича), она неизбежно сработала бы от сильного удара.

Так и получилось. Натянувшаяся бечёвка сдёрнула свёрток с закреплённой на высоте пяти футов доски, и та грузно ударилась о набросанные внизу булыжники. От толчка свинцовый грузик раскрошил в стеклянную пыль шарик запала и...

Около пуда гремучего студня (бомбистам не требовалось швырять адскую машину, и они пустили в ход всю заготовленную взрывчатку) произвели эффект чрезвычайный – заряда такой силы не использовал ещё ни один из известных террористов, за исключением разве что Гая Фокса с его пороховым заговором. Взрывом в щепки разнесло многострадальную тумбу, расшвыряло толпу зевак и лейб-конвойцев, смяло, словно спичечный коробок под каблуком, царский возок и вырвало напоследок две секции чугунного парапета. Обломки досок, куски кирпича картечью хлестнули по толпе. С фасадов на несколько кварталов вокруг посыпались стёкла, и их весёлый звон смешивался с криками ужаса и боли тех, кто попал под этот смертоносный дождь.

«С.-Петербургские ведомости»

...августа 1878 года

...мученическая гибель Государя и Самодержца Всероссийского Александра Николаевича. Вместе с ним взрывом бомбы, заложенной террористами в афишную тумбу, насмерть побито восемнадцать человек, среди которых – казаки личного конвоя Государя, кучер государева возка, двое полицейских чинов и петербургские обыватели различного пола и возраста. Не менее тридцати человек покалечено, восьмерым причинили смерть осколки стёкол, разлетевшиеся в результате взрыва из окон окрестных домов. Двенадцать обывателей получили от этих стёкол раны и увечья, от чего двое позже преставились. Петербургский градоначальник генерал от кавалерии Трепов...

«Ведомости С.-Петербургского

Градоначальства и Столичной полиции»

...августа 1878 г.

...двое террористов. Один из них был убит разрывом бомбы, другой – схвачен невредимым и признался в совершении злодеяния. По его словам, в организации этого преступления нигилистам всячески содействовал тайный резидент Британии, бельгийский подданный, имя которого не приводится по требованию цензуры. Известно, однако, что упомянутый резидент неоднократно передавал заговорщикам крупные суммы, а также содействовал доставке из Швеции в Санкт-Петербург химикалий, потребных для изготовления состава, именуемого «гремучий студень». Полковник от артиллерии N, известный знаток взрывчатых веществ, поясняет:

– Все свойства (гремучего студня) были отлично изучены теми, кто решился применить их к снаряду, употребляемому для преступного замысла. Для воспламенения была использована гремучая ртуть, огонь для которой должен был сообщиться с составом, напитанным бертолетовой солью и антимонием. Для сообщения гремучей ртути огня воспользовались свойством серной кислоты...

«Неделя» (экстренный выпуск)

...августа 1878 г.

...Найдены неопровержимые свидетельства участия в покушении злоумышленников печально известной организации революционеров «Земля и воля». Имеются основания полагать, что отколовшиеся от этого тайного общества личности объявили единственным средством своей борьбы террор против действующей власти, трагическим следствием чего и стало...

«Петербургский листок»

...августа 1878 г.

...Теперь всем очевидно, что слухи о причастности Туманного Альбиона к трагической судьбе императора Павла Первого имеют под собой основания. Обыватель вправе спросить: если сегодня англичане попались на организации цареубийства и массового душегубства посреди бела дня, в самом центре столицы нашей державы, стремясь обрести преимущество в несчастливо складывающейся для них войне – разве подобное не могло произойти семьдесят семь лет назад?..

Газета «Русский инвалид»

...августа 1878 г.

...В длинном списке жертв ужасного злодеяния – Нина Георгиевна Кайдановская, племянница капитана второго ранга Повалишина, кавалера военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, полученного за отличия в недавней кампании на Балтике. Как нам стало известно, покойная девица Кайдановская была обручена с лейтенантом С. И. Казанковым, награждённым крестом Св. Владимира четвёртой степени за Свеаборгскую баталию. В момент взрыва лейтенант Казанков также находился на месте преступления, но, по счастью, не пострадал и даже помог тут же, на месте злодеяния, опознать одного из бомбистов, бывшего студента императорского училища правоведения...

Санкт-Петербург, Варшавский вокзал

...августа 1878 г.

– Так что поспешить бы надо, вашбродие! Отправление через пять минут.

Серёжа шагал по перрону вслед за носильщиком – здоровенным детинёй, казавшимся настоящим гигантом из-за багажа, который он волок, водрузив на голову. Мимо неспешно проплывали синие классные вагоны экспресса «С.-Петербург – Варшава – Берлин». Один из лучших поездов, колесящих по железным магистралям империи. Бронза, хрусталь, бархат в одноместных купе, изысканное меню ресторана, не менее изысканное общество. Двое суток до столицы Германии пролетят незаметно.

Если бы не тоска, съедающая душу юного лейтенанта...

«Время лечит», – сказала Ирина Александровна, перекрестив на дорогу юношу, так и не ставшего роднёй семейству Повалишиных.

Время лечит? Возможно. Но пройти его должно побольше, чем жалкие три недели...

Нину хоронили в закрытом гробу. Серёжа как наяву видел жуткое кровавое месиво на месте любимого лица, зазубренную доску, торчащую из проломленной грудной клетки, окровавленную культю на месте руки. Потом – выматывающие и без того истерзанную душу перемещения по кабинетам. Учтивые чиновники от морского ведомства знали о его несчастье: жали руку, сочувствовали, обещали содействие. И ведь не обманули – бумаги, на оформление которых в другое время запросто ушла бы неделя, а то и две, были выправлены за три дня. И ещё несколько дней ушли на беседы с начальником штаба отдельного корпуса жандармов. Генерал

Никифораки счёл своим долгом лично переговорить с каждым из свидетелей трагедии на Екатерининской.

Но закончилось и это. Финальным этапом бюрократических проволочек стал визит в кассу адмиралтейства. Подъёмные и проездные суммы могли бы порадовать любого лейтенанта, но Серёжа остался равнодушен к свалившемуся на него богатству. По совету Повалишина он не стал тратить время на походы по магазинам («незачем, голубчик, в Берлине купите всё, что надо, и намного дешевле!») и ограничился тем, что приобрёл билет и плацкарту первого класса. И вот – шагает теперь по перрону вслед за ражим детиной, нагруженным на манер мифического Атланта.

Итак, Варшава, Берлин, потом – Гамбург. Две недели на борту «Тюрингии» под личиной пассажира Гамбургских океанских пароходных линий. Потом, где-нибудь в открытом море, волк сбросит овечью шкуру: из трюма поднимут пушки вместе с лафетами, установят их на заранее смонтированные палубные подкрепления – и коммерческий крейсер «Доброфлота» выйдет на океанскую большую дорогу.

Что ж, теперь это его личная, персональная война. Ему есть за что драться, а не просто выполнять свой долг офицера.

Пепел Клааса бьётся о его грудь. Нет, не прав милейший Иван Фёдорович – теперь, как некогда у легендарного фламандца, неистовая жажда мести шла у Серёжи рука об руку со спокойной уверенностью в том, что надо любой – любой, слышите? – ценой сокрушить врага отечества.

Но для этого надо для начала попасть в Гамбург.

Носильщик остановился возле синего вагона. Предупредительный служитель посторонился, пропуская морского офицера, и почтительно скосил глаз на алый крестик, сияющий на мундире.

...Пепел Клааса стучит в сердце...

II. Берег турецкий

Мраморное море. На рейде Измита

(Османская империя)

...сентября 1878 г.

Дзын-н-нь! Дзын-н-нь!

Короткая пауза.

Дзын-н-нь! Дзын-н-нь!

Ещё пауза. И три дребезжащих удара рынды:

Дзын-н-нь! Дзын-н-нь! Дзын-н-нь!

Пять склянок. Адмирал Хорнби привычно сверился с извлечённым из внутреннего кармашка мундира брегетом – всё верно, два часа тридцать минут пополудни. Впрочем, странно, будь оно иначе, – время на борту флагмана отсчитывают по хронометрам, способным дать сто очков вперёд любому, самым точным карманным часам. Правда, из трёх имеющихся на борту хронометров доверять сейчас можно только одному – два других нуждаются в наладке, их тончайшие механизмы дали сбой после страшных сотрясений от угодивших в броненосец чугунных бомб. И другого, куда более сильного удара – когда броненосный таран «Хотспур», краса и гордость эскадры Мраморного моря, не успев вовремя сманеврировать, пропорол борт переднего мателота своим кованым шпиромом.

Попытка прорыва в Босфор дорого далась броненосцам адмирала Хорнби.

Вахтенные на палубе начали рутинную переключку. Адмирал помедлил, накинул лёгкий парусиновый плащ и вышел на кормовой балкон броненосца.

«Эджинкот» – длинная высокобортная махина, украшенная пятью мачтами, относится к классу батарейных броненосцев. Это означает, что его орудия располагаются, как на линкорах Нельсона и Вильнёва, в одной сплошной, от носа до кормы батарейной палубе, укрытой бронёй. Конструкция, мягко говоря, не самая передовая – у собратьев помоложе тяжёлая артиллерия помещается в круглых башнях или в казематах, массивных броневых ящиках, врезаемых в середину корпуса судна, а то и водружённых прямо на палубу. А вот броневые пояса есть у всех – набранные из кованых железных листов, способных выдержать удары как архаичных чугунных бомб, так и стальных конических снарядов нарезных орудий.

Сейчас флагманский броненосец тяжело лежит на чёрной, отражающей крупные, как вишни, звёзды воде гавани. Город Измит погружён в вечернюю негу: с близкого берега плывут волнами запахи, горелое оливковое масло, жареная рыба, кофе, перец и ещё что-то приторное, отдающее тухлятиной. Доносились гортанные возгласы – на верках береговых батарей перекликались часовые, все как один в красных фесках, перетянутые по талии широкими кушаками.

Одно слово – турки...

Адмирал вернулся в каюту. За эти полгода Турция вместе с её обитателями надоели Хорнби хуже горькой редьки. Он одинаково ненавидел восточные ароматы, звуки турецкой речи, это усыпанное крупными звёздами турецкое небо – как, впрочем, и всё связанное с Османской империей. Когда потрёпанная, нахватавшаяся ядер со старых турецких батарей эскадра приползла в Измит, адмирал не сомневался, что вынужденная стоянка не продлится больше двух недель. Вот зализжут раны, получат новые снаряды взамен бессмысленно растраченных – и снова в море! Поскорее миновать Дарданеллы и двигаться на соединение с эскадрой Средиземного моря. А уж там – королевский флот найдёт, как расплатиться за унижение...

Увы, действительность поставила на этих планах жирный крест. Из западни Мраморного моря успели вырваться только «Ахиллес» и сопровождавший его шлюп «Дафна», выполняв-

ший при эскадре роль посыльного судна – их адмирал, не медля ни дня, отослал в Александрию с подробным рапортом о своей неудаче. Сам же он намеревался наспех подлатать искалеченный «Эджинкот» («Александра» так и осталась лежать на босфорском мелководье, растерзанная взрывами русских мин и собственных снарядных погребов) и вместе с другими четырьмя броненосцами, «Султаном», «Темерером», «Хотспуром» и «Свифтшуром», покинуть негостеприимные воды.

Но – не успел. Русские успели первыми, как саркастически заметил флаг-штурман, за что и заработал от адмирала недовольный взгляд. Но что поделаться, если выскочка-штурман прав? Русские каким-то чудом сумели перебросить на галлиполийские батареи (сданные прохвостами-турками без единого выстрела) несколько шестидюймовых мортир, тех самых, чьи бомбы как бумагу прошивали броневые палубы мониторов на Дунае. А ведь они были укрыты точно такой же бронёй, что и палубы его кораблей...

Мало того – турки сообщали, что кроме орудий проклятые славяне доставили в Дарданеллы и якорные мины, самое страшное своё оружие, от которого королевский флот ещё не нашёл эффективного противоядия. Сочетание крупновских мортир и минных банок не оставляло эскадре в устьях пролива ни единого шанса – вот и приходилось который уже месяц торчать в опостылевшей дыре и выслушивать донесения о том, что русские минные транспорты якобы замечены на подходах к Измиту, а ночью на рейде вахтенные разглядели неопознанные паровые катера...

Конечно, у страха глаза велики – но вдруг?.. Адмирал приказал проводить траление – ничего. Но это несколько его не успокоило. Хорнби отдавал себе отчёт, что его тральные партии не обладают необходимым опытом для борьбы с русским чудо-оружием. Оставшийся при эскадре деревянный винтовой фрегат совершил несколько выходов в поисках таинственных минных транспортов, но задержал лишь турецкую шхуну, из-за чего пришлось долго извиняться и выслушивать пространные нарекания османских чиновников. Опасаясь новых инцидентов, Хорнби запретил повторные выходы в море – не хватало ещё и поссориться с союзниками!

При этой мысли адмирал скривился, словно раскусил зёрнышко перца. Союзники... поведение турок просто омерзительно. Да, их верфи оказывали кое-какую помощь в ремонте броненосцев – но Господь свидетель, каких нервов стоило выбить из них эти жалкие крохи! К тому же чинилась масса проволочек при доставке материалов для ремонта – с блокадой Дарданелл всё приходилось везти по суше. Так, отправленные для броненосцев Хорнби снаряды крупных калибров попали вместо Измита в Трапезунд, а треть вообще затерялась по дороге! Та же участь постигла запасные части для котлов.

Турецкие мастеровые работали из рук вон плохо: портили исправное оборудование, затягивали самый ничтожный ремонт. Масштабы же воровства и издоимства... мы в Турции, господа, и этим всё сказано! Но – не помогали бакшиши, щедро раздаваемые портовым чиновникам и местному воинскому начальству. Сколько времени прошло, а ремонт флагманского «Эджинкота» не то что не завершился – даже толком не начался. Вот и приходится который уже месяц «сидеть на своих говяжьих костях» – так в британском флоте называют затянувшуюся якорную стоянку на одном месте, когда на дне под судном скапливается гора костей, выброшенных из корабельного камбуза. Некоторые предпочитают выражение «на своих пустых бутылках» – ну, это уж что кому ближе...

Увы, ирония не помогала – адмирал устойчиво пребывал в состоянии крайнего раздражения. Была бы его воля, он несколькими залпами главных калибров стёр бы с лица земли этот поганый городишко – и посмотрел бы, как тогда засуетятся, забегают похожие на усаых тараканов кадии, чавушбаши, бейлербеи и прочая османскочиновничья нечисть! Но – нельзя, нельзя! Специально явившийся в Измит представитель Форин Офиса уговаривал адмирала проявить терпение и выдержку, не доводить дело до крайности, не портить отношений с союз-

ником – пусть даже и таким ненадёжным. Военные действия, объяснял дипломат, развиваются совсем не так, как планировали в Лондоне, и новый конфликт – последнее, что нужно сейчас Британии.

Вот и приходится торчать в опостылевшем Измите. Команды броненосцев сатанеют без дела, кормёжка оставляет желать лучшего, что ни день – адмиралу доносят о стычках матросов с солдатами местного гарнизона, и стычки эти день ото дня становятся всё свирепее. Вот пожалуйста – сегодня уже два трупа! Это, конечно, турки, но всё равно неприятно...

И в довершение прочих бед – судовые запасы джина подходят к концу! Пополнить их здесь, в Измите, не представляется возможным: турки – правоверные мусульмане и не употребляют не то что джин, но даже пиво. Снабжение по морю прервано повстанцами-корсарами, разбивающими любую турецкую посудину, а затребованный из Александрии груз спиртного безнадежно затерялся на просторах Османской империи...

Адмирал присел к столу и развернул газету, и настроение его, и без того мерзкое, провалилось ниже трюмного льяла. На первой же странице – статья о мятеже суданских фанатиков. Как там называют их предводителя – аль-Махди? Вот уж действительно дикий народ... Однако эти дикари легко расправились с посланными против них отрядами египетского хедива, и пришлось двинуть из Каира вверх по Нилу британский экспедиционный корпус.

Адмирал искал дату – телеграмма из Каира пришла неделю назад. Что ж, нет сомнений, что brave томми с лёгкостью расправятся с возмнившими о себе дикарями, вооружёнными копьями и древними кремнёвыми карамультуками. Махди там или не Махди – туземцы должны запомнить карающую мощь Британии!

Балканы, Османская империя

Март – август 1878 г.

Мирные переговоры начались почти сразу после того, как эскадра адмирала Хорнби убралась прочь из Босфора. Сначала было заключено перемирие, и только после завершения весенней кампании на Балтике договаривающиеся стороны уселись за стол переговоров всерьёз. С инициативой проведения мирного конгресса выступил от имени кайзера канцлер Германии Отто фон Бисмарк; он же предложил в качестве места для встречи сонный нейтральный Триест. Австро-венгерский кабинет, настороженный тектоническими переменами, происходящими на Балканах, не возражал; императора Франца-Иосифа представлял на конгрессе министр иностранных дел граф Андраши. Франция ограничилась присылкой не самого крупного чиновника с набережной Кэ д'Орсе; представителей же Великобритании на конгрессе не было вовсе. Россию представлял канцлер светлейший князь Горчаков, а вот о том, что касается турецкой делегации, следует поговорить отдельно...

За несколько дней до объявленной даты начала конгресса Европу взбудоражила новость: султан Османской империи и девяносто девятый халиф Абдул-Гамид II безвременно покинул подлунный мир, не выдержав тяжкого груза свалившихся на него несчастий. Во всяком случае, так было сказано в официальном заявлении Бурсы (туда после взятия русскими Константинополя перебралось турецкое правительство).

Газетчики всего мира немедленно предположили самоубийство султана, сломленного позором военного поражения; кое-кто говорил и о загадочном недуге, сведшем его в могилу за считанные дни. Действительность, как водится, оказалась куда проще и очевиднее: Абдул-Гамид, и сам пришедший к власти в результате дворцового переворота в 1876 году вместо низложенного заговорщиками брата Мехмеда Мурада, разделил участь предшественника. Только вот в крепость (или, как говорили злые языки, в дом скорби) его никто заточать не стал – султана прирезали на пороге собственной спальни.

А, собственно, чего вы хотели? Да, в первые дни своего восшествия на престол Абдул-Гамид снискал всеобщую любовь и популярность. Он посещал казармы, не гнушался офи-

церскими застольями, был доступен и прост в общении. Но... катастрофическое расстройство финансов, позорно проигранная война, утрата основного союзника (Британии, получившей подряд две чувствительные оплеухи, сейчас не до Блистательной Порты) и, главное – потеря Стамбула, этой жемчужины империи, пятьсот лет утверждавшей османское господство в Европе и Азии, – кто же спустит правителю подобное фиаско?

Вдохновитель заговора, опальный генерал Мехмед Али-паша (султан не простил ему неудачи в обороне столицы и выгнал в отставку), вернул из заточения брата Абдул-Гамида и занял при нём должность великого визиря – единственного, непререкаемого советника по любым вопросам. Подверженный нервным припадкам, неумеренно пристрастившийся к спиртному (что совсем уж не подобает правителю правоверных мусульман) Мурад стал податливой глиной в руках опытного политика и прожжённого интригана. Но ведь одних интриг мало, и Мехмед Али-паша отлично понимал, что от окончательного краха Блистательную Порту может удержать только военный успех. Любой, неважно какой, – но срочно! И несказанно удивился, когда встретил в этом понимание и сегодняшнего врага, и старых друзей из Берлина – Мехмед Али-паша, при рождении носивший имя Карл Детроа, был выходцем из Пруссии, из семьи гугенотов. В двенадцать лет он поступил юнгой на торговый корабль, перебрался в Стамбул, где принял ислам и поступил в военное училище. Именно этот человек возглавил турецкую делегацию в Триесте – и нет ничего удивительного в том, что он внимательнейшим образом прислушивался к советам посланцев германского кайзера. Которые, как понимали все участники конгресса, заранее договорились с Россией и дули теперь в одну дудку...

Так стоит ли удивляться тому, что требования Санкт-Петербурга принимались в Триесте хоть и после некоторых проволочек, но именно в той редакции, на которой настаивал глава русской делегации канцлер Горчаков?

Итак. Царство Болгария признаётся участниками конгресса состоявшимся фактом. Албанский пашалык становится автономной заморской провинцией Османской империи. Княжество Черногория получает независимость, Османская Македония и часть Восточной Румелии отходят к Болгарскому царству. Прочие же европейские владения Османской империи, включая прочие области Восточной Румелии, илы Кыркларели, Эрдине, Текирдаг, а также европейскую часть Стамбульского ила, планировалось включить в состав Южной Славии, свежее испечённого государственного образования, фактически же – протектората Российской империи. В наместники Южной Славии (Юго-Славии, как окрестили её газетчики) прочили великого князя Константина Николаевича, не сумевшего шестнадцать лет назад занять греческий трон и вознамерившегося представлять династию Романовых в древнем Царьграде.

Переговоры были ещё далеки от завершения, а множество мусульман, подданных султана, уже снимались с обжитых мест на Балканах и перебирались в Малую Азию. Русские военные власти им не препятствовали и даже оказывали содействие; навстречу же полноводным потоком двигались армяне, смирненские и анатолийские греки и прочие подданные султана, исповедовавшие христианство и решившие, что им будет уютнее под сенью двуглавого византийского орла.

Из Одессы, Крыма, Новороссийска ежедневно отправлялись транспорты с поселенцами. В кубанских и донских станицах выкликали охотников в новое казачье войско, балканское. Желающих было столько, что казацкие старшины были недовольны: «Что ж вы, ироды, казачков невесть куда гоните, а кто хлеб сеять будет?» Вслед за казаками снялись с насиженных мест переселенцы из великороссийских губерний – учреждённое великим князем Константином благотворительное общество снабжало их деньгами на переезд и первое обзаведение. В газетах замелькали сообщения о проекте железной дороги Кишинёв – Бухарест – Константинополь, и свежее испечённый господарь Кароль Гогенцоллерн, командовавший румынскими войсками

при Плевне, только что в рот не заглядывал русскому посланнику, пространно рассуждавшему о необходимости связать столицы Российской империи, Румынии и Юго-Славии рельсовой магистралью. Тем более что правительство кайзера Вильгельма Первого готово было выделить под это начинание солидный кредит.

Так что время работало на русских, и любому наблюдателю было очевидно, что Триестский конгресс ещё не успеет завершиться, а Россия твёрдо встанет на Балканах – и отнюдь не только сапогами своих гренадеров и стрелков. Победителям всегда проще настоять на своём, особенно если никто со стороны не лезет с непрошеными наставлениями и поучениями.

Но вернёмся к маленькой победоносной войне, так нужной Мехмеду Али-паше для укрепления своего положения в политическом раскладе Османской империи. Пока газеты упражнялись в остроумии, помещая карикатуры на русского медведя, сломавшего хребет султану и готового подмять под себя все Балканы, в тени большой политики развивались процессы, непонятные широкой публике. А уж когда бомба террориста разорвала в клочья Александра Второго – процессы понеслись вскачь. Новый государь слышать не желал о мире с Англией, намереваясь сполна расплатиться за мученическую смерть отца.

Дипломаты и министры ещё ломали копыя своего красноречия и изводили галлоны чернил в кулуарах конгресса, а в Османской империи уже пришли в движение скрытые силы. Войска спешно перебрасывались на запад, в Сирию и Палестину – будто не нависали над Босфором и с отрогов Кавказского хребта штыки победоносных русских гренадёров. Османские агенты пробирались караванными тропами в Йемен и Судан, сопровождая вереницы верблюдов, гружённых винтовками и золотом. Зашелестели в коридорах Каирского дворца хедива купюры, зазвякали наполеондоры и соверены – чиновникам и царедворцам делались заманчивые предложения, а тех, кто упирался, вылавливали по ночам из сточных канав египетской столицы. Вождям йеменских племён, нищим арабским шейхам и последователям аль-Махди обещали любую помощь, оружие, опытных инструкторов – лишь бы они решились повернуть оружие против англичан, высокомерных белокожих гяуров, чересчур вольготно устроившихся в землях, над которыми простёрлась длань Пророка, да благословит его Аллах, всемилостивый и всемогущий...

Над британскими оплотами на Ближнем Востоке – Аден, Порт-Саидом, над всем Египтом, стали сгущаться тучи.

Османская империя, порт Измит ...сентября 1878 г.

Стоящий на носу шлюпки матрос ткнул отпорным крюком в борт. Пять с половиной дюймов броневое пояс отозвались глухим стуком. Вверху, на палубе, мелькнул фонарь в руках вахтенного, раздался окрик на английском. Ленивый такой окрик, машинально отметил лейтенант Остелецкий, через силу, с позёвыванием... Похоже, матросу, дежурящему у трапа, смертельно надоела собачья вахта и он мечтает только об одном: как бы поскорее улечься на расстеленные по палубе чехлы и захрапеть, подставив щёку ласковому предутреннему бризу. Спать в душных, полных крыс и здоровенных турецких тараканов батарейных палубах – спасибо, дураков нет. На борту посуды её величества «Эджинкот» всё пропитано ленью, сном, равнодушием.

Будто это вовсе не британский броненосец... Впрочем, неудивительно – после полугодовой бессмысленной стоянки в этой турецкой дыре...

Что ж, вот он и внесёт в жизнь лайми некоторое оживление. Другой вопрос – обрадуются ли они этому?

Венечка бодро отозвался по-английски, старательно имитируя турецкий акцент:

– Офицер охраны порта желает видеть вахтенного начальника.

Матрос буркнул что-то неразборчивое и убежал, дробно стуча пятками.

– Пошли! – беззвучно скомандовал лейтенант и первым стал подниматься по трапу – удобному парадному трапу, который не убирали, похоже, уже несколько месяцев. А зачем? Почти все офицеры броненосца, как и две трети команды, на берегу, предаются пороку в виде кальяна, гашиша и восточных танцовщиц. Кому повезёт – добудут из-под полы владельца заведения бутылку вонючего друзика или греческой водки узо. Спиртное в Измите сейчас в огромном дефиците, за дрянной виноградный самогон приходится переплачивать втрое, а то и вчетверо...

Матросы, возглавляемые боцманом (все, как и сам Венечка, одетые в турецкую форму), рассыпались по палубе, беря под охрану ружейные пирамиды, веера абордажных палашей, развешанных на фальшбортах и стенках надстроек, орудия и ведущие в нижние палубы трапы. Вахтенные матросы лениво наблюдают за действиями гостей, и только мичман (и не спится же сопляку!) начинает подавать признаки беспокойства.

– Что это значит, господин офицер?

Голос у вахтенного начальника высокий, насквозь пропитанный знаменитым британским высокомерием. Сам он – высокий, с вытянутой лошадиной физиономией, украшенной россыпями веснушек. Надо же, и южное солнце их не берёт... Да, для такого что турецкий офицер, что какой-нибудь сиамский – все аборигены и совершеннейшие дикари.

– Я лейтенант флота Российской империи, – отчеканил Остелецкий, с удовольствием наблюдая, как вытягивается веснушчатая физиономия британца. – С этой минуты ваш корабль переходит под моё командование. Должен предупредить, что моим людям дан приказ стрелять при первых же признаках сопротивления. Кроме того, с баркаса, стоящего возле вашего борта, под броненосец подведены две мощные мины – и можете не сомневаться, что приставленные к ним люди без колебаний выполнят свой долг.

Англичанин открывал и закрывал рот, словно рыба, извлечённая из родной стихии. Венечка сделал многозначительную паузу, давая собеседнику возможность оценить сообщение, и продолжил:

– Так что в ваших интересах, господин офицер, удерживать нижних чинов от опрометчивых действий.

Снизу послышались ещё два толчка, донеслась гортанная турецкая речь. На палубу по трапу хлынули редифы – оборванные, воняющие потом, табаком и прогорклым оливковым маслом.

– Извольте видеть, наши новые союзники помогают взять судно под контроль, – объяснил лейтенант. – Давайте не будем терять времени, и проводите-ка меня к командующему эскадрой адмиралу Хорнби. Ведь он, кажется, на борту?

Англичанин наконец справился с замешательством.

– Прошу вас подождать несколько минут, господин офицер. Мне надо доложить адмиралу...

– Не трудитесь, – обаятельно улыбнулся Венечка. – Вот мы сейчас вместе и доложим.

И, бесцеремонно отстранив собеседника, решительно зашагал на шканцы. Продравшие глаза вахтенные наконец-то сообразили, что происходит нечто странное, и провожали Остелецкого оцепеневшими взглядами. Другие испуганно косились на усатых редифов, многозначительно поигрывающих длинными винтовками с примкнутыми штыками. А те, кому довелось в своё время встретиться с российскими моряками или побывать в русских портах, угрюмо смотрели на матросов с карабинами и револьверами, чьи лица и характерные речевые обороты мало напоминали подданных повелителя правозверных.

...коварство русских общеизвестно...

– Вахтенный офицер сказал, что вы подвели под «Эджинкот» мину, – угрюмо буркнул Хорнби. – Это правда?

– Даже две, – с готовностью подтвердил Венечка Остелецкий. Он чувствовал себя слегка неуверенно – не каждый день вот так запросто беседуешь с адмиралом на кормовом балконе его флагмана. Который ты к тому же только что захватил и угрожаешь поднять на воздух.

– В каждой мине полтора пуда французского пироксилина. Запалы гальванические. Катер отошёл на несколько саженей от борта, и, когда минный кондуктор замкнёт цепь, взрывом его не заденет.

– А как же вы? – адмирал испытующе глянул на наглого юнца. – Не боитесь потонуть вместе с нами?

Лейтенант усмехнулся. Ему отчаянно хотелось выдать в ответ что-нибудь многозначительное, пафосное, чтобы можно было потом вставлять в исторические романы. Но – сдержался.

– Боюсь, разумеется, я ведь тоже живой человек. Но сейчас речь не обо мне, а о вас и ваших подчинённых. Думайте скорее, ваше превосходительство.

Хорнби, набычась, смотрел на близкий, не дальше полутора кабельтовых, берег. Небо над минаретами Измита, над крышами портовых мастерских и зубчатыми стенами береговых батарей медленно серело.

...точно йоркиширский племенной бугай! – хихикнув, подсказал внутренний голос. – *Таких любят изображать во «Всемирной иллюстрации», в материалах с сельскохозяйственных выставок. Вон как зенки кровью налились – как бы удар не хватил...*

– Ваше превосходительство, извольте принять решение, – осторожно напомнил Венечка. – Люди на палубе напряжены до последней крайности. Не приведи Господь, кто-нибудь схватится за саблю, выпалит – не поручусь, что у минёра на катере не сдадут нервы. Согласитесь, не хотелось бы погибнуть так глупо. Отдайте приказ прекратить сопротивление, и множество людей останется в живых.

Хорнби гневно выпрямился. «Да как он смеет, сопляк...»

– Я не сдам свой флагман русским!

– И не надо, – согласился Остелецкий. – Вы сдадите его Османской империи. Тем более что это будет до некоторой степени восстановлением справедливости. Ваше адмиралтейство, помнится, перед самой войной присвоило построенный для Турции броненосец? Как он назывался, «Сюперб»? А ведь турки исправно за него заплатили. Как и бразильянце, которых вы ограбили с той же непосредственностью.

– Этого требовали интересы Британской империи... – начал было Хорнби и осёкся, поймав насмешливый взгляд русского.

На палубе стоящего неподалёку «Султана» часто застучали винтовки. Адмирал привычно пошарил в поисках бинокля – не нашёл. Но и без бинокля он ясно видел, как посыпались в воду с кормового свеса фигуры в белых матросских робах.

Словно в ответ, на палубе «Эджинкота» хлопнуло несколько выстрелов, раздались крики, загудели гневные голоса.

Венечка хлопнул ладонью по резному ограждению балкона.

– Что, ваше превосходительство, дождались? Учтите, вся пролившаяся кровь на вашей совести!

И потянул из кобуры длинный револьвер. Адмирал попятился.

Дверь, ведущая в адмиральский салон, с треском распахнулась. Адмирал попятился – на балконе возник здоровенный матрос. Усы у него загибались чуть не до уголков глаз, словно у заправского янычара, но широкие скулы и нос картошкой не позволяли обмануться по поводу его происхождения.

– Так что, вашбродие, англичашки бузотёрят!

Язык тоже не выдавал в новоприбывшем подданного повелителя правоверных.

– Тех, кто на палубе, мы уняли, уложили мордами вниз, и турок приставили стеречь. А те, что в низах сидят, – лаются, ломаются наверх, стреляют из люков. Что прикажете делать? Может, македонок им туда набросать?

И продемонстрировал (почему-то адмиралу) чугунный, размером с крупное яблоко, шар с торчащим коротким фитилём.

Венечка сложил руки на груди.

– Как видите, ваше превосходительство, мы неплохо подготовились к этой вылазке. Македонки – возможно, вам незнаком этот термин, так балканские патриоты называют свои самодельные бомбы – тоже начинены пироксилином и эффект производят довольно серьёзный.

Хорнби живо представил, что натворят несколько бомбочек в тесных, забитых человеческими телами межпалубных помещениях. Его передёрнуло.

– Так вы решайте, пока не поздно, – продолжил лейтенант. – А ты, голубчик, – он обратился к боцману, – распорядись накрыть люки чехлами, что ли, да навалите на них чего потяжелее. Пусть посидят, одумаются. Только посматривайте, как бы в орудийные порты не повывезали, потонут ещё сдуру!

Усач понятиво кивнул и застучал башмаками по трапу. Лейтенант повернулся к Хорнби.

– К тому же посмотрите вот туда...

И указал на медленно сереющее небо. На его фоне у входа в гавань вырисовывались мачты и трубы боевых кораблей.

– Эскадра Хасан-паши, – прокомментировал русский. – Это на случай, если вы, ваше превосходительство, заупрямитесь всерьёз. Я понимаю, глупо сравнивать выучку турецких и британских моряков, как, впрочем, и мощь флотов Османской и Британской империй. Но здесь и сейчас они превосходят вас числом по меньшей мере вдвое. И это не считая береговых батарей Измита, которые тоже, надо полагать, не станут сохранять нейтралитет.

– Вы застали нас врасплох, – ответил адмирал. Голос его был бесстрастен, но глаза не обманывали – тусклые, потухшие, они были налиты безнадёжностью и отчаянием. – Все мои офицеры, кроме вахтенных, на берегу. Как, впрочем, и матросы. На броненосцах остались стояночные вахты и те, кто наказан за всяческие провинности. Увы, в этой гнусной дыре разложение команд идёт невиданными темпами...

– Старые добрые традиции королевского флота, – насмешливо сощурился лейтенант. – Плеть, ром и содомия², не так ли? Да, наивно было бы ждать от них самопожертвования...

Тишину снова разорвали выстрелы – на этот раз палили на «Инконстане».

– Кому ещё неймётся... – начал брюзгливо лейтенант, но договорить не успел. Громовой рык взрыва заглушил все прочие звуки. Над фрегатом вырос огненный столб, огненно-яркий в предрассветном сумраке. Остелецкий видел, как повалилась за борт грот мачта, как обречённый фрегат лёг на правый борт и стал стремительно погружаться в неглубокие воды гавани.

– Это не ваши мины, – прохрипел Хорнби. Ладони его, покрытые с тыльной стороны редкими седыми волосками, судорожно сжимались и разжимались. – Коммандер Мак-Класки предпочёл смерть бесчестью.

Лейтенант коротко глянул на собеседника.

– Вы ему завидуете?

Гул голосов на палубе перекрывали короткие, требовательные команды на русском и турецком языках.

– Как видите, ваше превосходительство, матросы решили пожить ещё немного, – холодно заметил Остелецкий. – И не стали дожидаться вашего позволения сдаться. А я ведь вас предупреждал!

² В реальной истории это высказывание приписывают Уинстону Черчиллю.

Хорнби дёрнулся, будто его кольнули шилом, и повернулся к лейтенанту. Лицо его приобрело тёмно-морковный цвет.

– Вы... всё, что вы тут творите, – это бесчестно! Это против правил цивилизованной войны!

– А науськивать нигилистов на убийство государя – это честно? А устраивать кровавую бойню в чужой столице – это не против правил?

В глазах русского сверкала такая ярость, что Хорнби невольно вздрогнул.

– Вы не сможете доказать...

Остелецкий пожал плечами.

– Я и не собираюсь, ваше превосходительство. Пусть в этих тонкостях разбираются дипломаты и историки. Лет эдак через пятьдесят. А сейчас начинается самое интересное. Правда, вы не сможете принять в этом участие – но и в положении зрителя, согласитесь, есть свои преимущества. Или вас больше привлекает выбор сэра Этли Купера?

Физиономия адмирала сменила морковный оттенок на королевский пурпур. Намёк на командующего эскадрой специальной службы, пустившего себе пулю в лоб после сдачи эскадры специальной службы, был слишком прозрачен.

– Да как вы смеете?! Мальчишка...

– Смею, ваше превосходительство, ещё как смею. *Vae victis*³ – так, кажется, у Тита Ливия?

Обернёмся назад и поинтересуемся: как вышло, что российские моряки оказались в самом логове заклятого врага? Перемирия перемириями, но война, самое жестокое русско-турецкое противостояние за последние полвека, официально ещё не закончилась. А тут – «союзники», чужая форма на русских матросах и османские редифы под командованием лейтенанта-черноморца... да что творится на этом свете?

А между тем всё довольно просто. После злодейского убийства императора его сын и наследник (которого в нашей истории называли Миротворцем) и слышать не пожелал о мире с Англией. Тем более что война, вопреки истерическим прогнозам Милютина и мрачным предсказаниям Горчакова, развивалась довольно успешно: британскому льву подпалили усы там, где это меньше всего ожидалось, – на море. Но этого показалось мало только что вступившему на престол государю, и он проводил долгие часы в своей любимой Гатчине взаперти с канцлером, великим князем Николаем Николаевичем и военным министром, изучал депеши из Триеста и Кабула и... план, наконец, сложился. Коварный, вероломный – и в силу этого сулящий успех.

Как заведено в мировой политике, самые важные дела нередко решаются отнюдь не на конгрессах, а на тайных переговорах между лицами, стоящими в тени ключевых политических фигур. Эмиссары Санкт-Петербурга обратились напрямую к Мехмеду Али-паше при посредничестве некоего лица, приближённого к канцлеру Бисмарку. О чём они говорили, мы с вами никогда не узнаем (подобные вещи охраняются почище любых военных секретов), однако можем оценить результат. После недели тайных переговоров (проводившихся, к слову сказать, на немецком языке, родном для двоих из трёх участников переговоров) Мехмед Али-паша согласился, что потерю европейских владений Османской империи недурно было бы компенсировать приобретением равноценного куска. А именно – Египта, который хоть и числится формально в составе Османской империи, но султан не обладает там реальной властью. Это унижительное положение длилось с конца прошлого века, когда под сень пирамид явились солдаты Наполеона. Потом их сменили англичане, которых, в свою очередь, вышвырнул вон блистательный Мухаммад-Али, утвердивший на берегах Нила независимую от Стамбула власть. Но это, разумеется, не могло продолжаться долго. В 1869 году француз Лессепс открыл Суэцкий канал, а египетский хедив Исмаил-паша не нашёл ничего лучшего, как уступить контроль-

³ Горе побеждённым (*лат.*).

ный пакет акций этого выгоднейшего предприятия Лондону. Островитяне энергично взялись за дело: крепко обосновались в Порт-Саиде, Суэце и Адене, бесцеремонно оттяпанном у турок ещё в 1839 году и с тех пор стерегущем подходы к Баб-эль-Мандебскому проливу. Одновременно, пользуясь мягкотелостью хедива и продажностью его высших чиновников, британцы стали наращивать своё присутствие в самом Египте, и к текущему, 1878 году достигли в этом немалых успехов. Разумеется, это вызывало недовольство у египтян и особенно – в офицерской среде, где сильно было турецкое влияние.

Именно этим и решили воспользоваться Мехмед Али-паша и его партнёры по закулисным интригам. Главным призом в этой игре был, разумеется, Суэцкий канал, и именно вокруг него строились основные расчёты.

Удары были спланированы жёстко и цинично. За месяц до них суданские племена, подогретые турецким золотом и турецкими же посулами, взбунтовались против влияния северных соседей, объявили джихад и вырезали один за другим несколько египетских военных отрядов, посланных для их усмирения. Вождь восставших, назвавший себя аль-Махди, призывал правых на север; перепуганный хедив обратился за помощью к англичанам и помощь эту получил – немногочисленные английские части в сопровождении египетской конницы и четырёх речных канонерок двинулись вверх по Нилу и 2 сентября высадились на берег близ грязной суданской деревеньки Омдурман.

Этого-то и добивались заговорщики. В первых числах сентября в Каире начался военный мятеж. Одновременно взявшиеся за сабли арабские и йеменские племена нацелились на Суэц, Порт-Саид и Аден. Турецкие войска под предлогом защиты канала немедленно заняли Порт-Саид – британский гарнизон составляли всего две роты Нортумберлендского пехотного полка, стрелков, а из военных кораблей на рейде присутствовали два деревянных шлюпа и парусный фрегат. Заняв Порт-Саид (англичане предпочли не принимать боя и убыли на кораблях в Александрию), турки погрузились на баржи и двинулись по каналу на юг, в сторону Суэца. Одновременно турецкие боевые корабли миновали Босфор (разумеется, с согласия русских) и присоединились возле Мармары к эскадре Хасана-паши. А на борт отстаивавшихся в Измите британских броненосцев эскадры Мраморного моря поднялись турецкие редифы и переодетые в турецкую форму русские моряки.

И Мехмед Али-паша, и его партнёры отлично понимали, что Британия ответит на столь наглый выпад, и ответит жёстко. Да, почти все сухопутные силы заняты бессмысленной и утомительной Нильской экспедицией. Но в колоде Великобритании имелся другой козырь, неоднократно проверенный, до сих пор бывший любую карту, которую противник мог выложить на зелёное, цвета морской волны сукно мировой политики. Броненосцы Средиземноморской эскадры спешно разводили пары на Мальте, и, чтобы противостоять этой грозной силе, Османской империи понадобится всё, что она сможет наскрести. В том числе только что захваченные броненосцы адмирала Хорнби, команды которых предстояло укомплектовать (по крайней мере частично) русскими моряками. Таково было требование Санкт-Петербурга, и Мехмед Али-паше пришлось скрепя сердце согласиться. Тем более что обученных артиллеристов в османском флоте остро не хватало, а русские убедительно доказали, что не привыкли разбрасывать снаряды впустую.

Вот и получилось, что лейтенант Остелецкий в составе отряда из полутора дюжин русских офицеров и трёх сотен матросов принял живое участие в диверсии против эскадры адмирала Хорнби. А уже наутро Венечка сдал захваченный «Эджинкот» союзникам-османам и перебрался на броненосный таран «Хотспур». Следующие три дня на судно грузили уголь и снаряды (они волшебным образом нашлись и, конечно, ни в каком не Трапезунде), одновременно осваивая незнакомую технику. В предстоящих сражениях Венечке предстояло выполнять обязанности старшего артиллериста.

«New York Herald», САСШ

...августа 1878 г.

Телеграммы из Каира:

...Восстание так называемых дервишей, сторонников аль-Махди, набирает силу. Британский экспедиционный отряд под командованием полковника Горацио Китченера успешно миновал пороги между селениями Валь-Хальфа и Хартум и движется вверх по Нилу, сопровождаемый вдоль берега сильным отрядом египетской кавалерии. Не приходится сомневаться, что превосходная британская организация и современная военная техника (в составе отряда кроме скорострельных полевых орудий имеются картечницы) в ближайшее время восторжествуют над фанатизмом дервишей и...

«С.-Петербургские ведомости»

...сентября 1878 г.

Нам пишут из Рима:

...Телеграф принёс в столицу Итальянского королевства известие о жуткой резне в Адене. Дикие йеменские племена, захватившие город после упорных, кровопролитных боёв, выставили вокруг порта частокол из копий с насаженными на них головами европейцев и их туземных прислужников. Есть сообщения о массовом насилии над захваченными белокожими женщинами.

Командир стоявшего в порту британского фрегата приказал стрелять картечью по запрудившим набережные толпам местных жителей, после чего пустил себе пулю в лоб. Жертвы среди мирного населения...

«Wiener Zeitung», Вена

...сентября 1878 г.

Наш корреспондент сообщает из Калькутты:

...Войска афганского эмира при поддержке русского казачьего отряда миновали Хайберский проход. Провинция Пешавар охвачена восстанием. Немногочисленный отряд индийских стрелков под предводительством британских офицеров укрылся в крепости Джамруд и с трудом отбивается...

«Berliner Börsen-Courier», Берлин

...сентября 1878 г.

Срочно из Суэца:

...Арабские племена, предпринявшие штурм города, отражены с большими людскими потерями. В самом Суэце бушуют пожары после артиллерийской бомбардировки, предпринятой неведь откуда взявшейся у арабов артиллерией. В устье Суэцкого канала затоплено два парохода с бутовым камнем, предназначенным для возводящихся вспомогательных сооружений. Телеграфный провод, проложенный вдоль канала, перерезан арабами во многих местах. Ходят упорные слухи о судах с войсками, идущих со стороны занятого турками Порт-Саида. Представитель Германского Ллойда выразил глубокую обеспокоенность в связи с неизбежными перебоями коммерческого судоходства по этой важнейшей торговой артерии...

III. Романтики с большой дороги

*Где-то в Аравийском море
...сентября 1878 г.*

Корабль был красив – низкий длинный корпус, три высокие мачты с полной парусной оснасткой, острый, сильно скошенный форштевень. Такими обводами могут похвастаться разве что чайные клипера, эти «гончие морей».

Только вот палубы чайных клиперов не придавливают тяжесть кургузых чёрных пушек. Женщина пригляделась – орудия развёрнуты по-походному и ничем вроде бы не угрожают белоснежной красавице «Луизе-Марии» с элегантными, почти гоночными обводами, сильно наклонёнными к корме мачтами и бессильно свисающим с кормового флагштока полотнищем – вертикальные чёрно-жёлто-красные полосы. «Луиза-Мария» больше походит на частную яхту, нежели на коммерческий пароход, и только широкие люки трюмов да грузовые тали, свисающие с нижних реев, выдавали истинное её предназначение.

Пассажирка изяществом не уступала судну – точёная фигурка, тонкое лицо дышит истинным, не показным или благоприобретённым, аристократизмом. Тонкие пальцы нервно тискают костяную рукоятку ненужного зонтика.

– Что за сюрприз, мсье Бувиль?

Капитан (судя по украшенной золотым шитьём фуражке, это действительно он) опустил большой, составленный из длинных медных трубок бинокль.

– Это русский военный клипер, мадам. Видите кормовой флаг? Косой голубой крест на белом полотнище. Русские, никаких сомнений.

– Что им от нас надо?

Голос звучал почти капризно – женщина не сомневалась в своём праве требовать отчёта. Чеканная формула «первый после Бога», похоже, была ей незнакома.

– Россия воюет с Англией, а мы, согласно судовым документам, следуем в Карачи. Это британский порт, мадам, а значит, русский клипер имеет право досмотреть наш груз.

– Но у нас... – женщина запнулась. – Они нас потопят?

– Ну что вы, мадам! – шкипер поднял перед собой ладони в успокоительном жесте. – Русские, конечно, варвары, но не до такой степени. В худшем случае они утопят пароход, а нас примут на борт. Но и это весьма сомнительно – «Луиза-Мария» превосходное судно, да и груз представляет немалую ценность. Полагаю, они конфискуют и то и другое. Впрочем, скоро мы всё узнаем...

К «Луизе-Марии» летела, подгоняемая ударами вёсел, шлюпка. До собеседников доносились зычное уханье шлюпочного старшины: «Два-а-а – раз! Два-а-а – раз!» За спиной рулевого весело трепетал на ветру флажок – уменьшенная копия того, что украшал корму военного корабля.

– Но ведь мы идём под флагом королевства Бельгия!

– Неважно, мадам. Согласно международным законам русские имеют право на подобные действия.

– А это? – она кивнула на небольшую бронзовую пушчонку на деревянном лафете, одиноко стоящую на полуяте. – Мы могли бы...

Капитан испуганно замахал руками:

– Даже и не думайте, мадам! Стоит выпалить из этой клистирной трубки один-единственный раз – и командир клипера получит законное право открыть огонь. Его шестидюймовки пустят нас на дно за четверть часа!

Женщина едва заметно скривилась – было видно, что её коробит столь явная демонстрация трусости и нерешительности.

– Так вы уверены, что в случае сдачи нам ничто не грозит?

– Разве что некоторый дискомфорт, мадам. На военных судах довольно тесно. Вряд ли они смогут выделить вам достойные апартаменты.

Женщина вздохнула.

– «Луиза-Мария» – любимое судно моего покойного супруга. Он позаботился о том, чтобы оборудовать на её борту подходящее помещение для себя... для нас.

– Будем надеяться, русские её пощадят.

Унтер-офицер – усатый детина с нашивками артиллерийского кондуктора на рукаве форменки – поддел лезвием топора крышку ящика, прочного, основательного, обитого от сырости кожей, и с натугой отодрал прочь. Барон осторожно, стараясь не испачкать мундир, извлёк винтовку. Латунная затворная коробка, длинный гранёный ствол, характерная скоба для перезарядки. Всё – в густом слое оружейного сала.

– Винтовки Пибоди-Мартини, – прокомментировал он. – По шесть штук в ящике – недурно, недурно. Всего, значит, выходит две с половиной тысячи. Английская работа?

– Бельгийская, из Льежа, – равнодушно отозвался шкипер-бельгиец. – Фрахт британского военного ведомства.

– Патроны?

– В соседнем трюме. Там же – амуниция и тюки с военной формой. Ещё тридцать два ящика с револьверами. Английские, фирмы «Веблей и сыновья».

– Солидно... – присвистнул Гreve. – Порт назначения – Карачи?

Кивок.

– Полторы тысячи новеньких винтовок для индийских колониальных частей... Любопытно, чего англичане опасаются больше – нового восстания сипаев или казачков генерала Гурко?

– Мне не докладывают, – буркнул шкипер. – Моё дело – доставить, сдать груз. Фрахт есть фрахт, а политикой пусть занимаются другие.

– Что ж, так и запишем: военная контрабанда в чистом виде. Приходи кума любоваться! Последние слова он произнёс по-русски. Бельгиец озадаченно покосился на барона.

– Что ж, мсье... э-э-э?..

– Капитан Бувилль к вашим услугам.

– Что ж, мсье Бувилль, это всё. Судовые документы я забираю, – он похлопал по папке, зажатой под мышкой. – Вы тоже отправитесь со мной на «Крейсер». А пока отдайте распоряжение помощнику, пусть готовится принять призовую партию.

Шкипер кивнул – на этот раз, как показалось барону, с облегчением.

– Если позволите, мсье офицер...

– Я вас слушаю.

– На борту моего судна мадам де Кремс, вдова владельца пароходной компании, которой принадлежит «Луиза-Мария». Если можно, я бы попросил позволить ей пока остаться на пароходе. В её апартаментах наверняка удобнее, чем в каюте, которую вы сможете выделить для неё у себя на борту.

– Я доложу, – согласился Гreve. – Это, вероятно, та самая дама, которую мы видели наверху?

Когда он под угрюмыми взглядами матросов парохода следовал к трапу, ведущему в грузовой трюм, на мостике мелькнул женский силуэт. Гreve, ещё в училище прославившемуся амурными подвигами, понадобилось не больше секунды, чтобы уверенно вынести вердикт: незнакомке лет чуть больше тридцати, необыкновенно хороша и... весьма уверена в себе.

– Полагаю, командир клипера согласится выполнить вашу просьбу. Она одна?
– При ней горничная и повар.
– Вот и ладушки. Кстати, у вас не найдётся свежих газет?
– Только недельной давности.
– Пойдёт. Последний раз мы получили газеты с немецкого пакетбота ещё в начале июля
– и с тех пор изрядно стосковались по новостям...

– Оттолкнуть нос!

Баковый налёт на отпорный крюк, гичка медленно отделилась от «Луизы-Марии». Матрос положил крюк на сложенный между гребцами рангоут и занял место на банке рядом с загребным.

– Весла разобрать!

Гребцы шноровисто взяли тяжёлые, налитые свинцом вальки на локтевые сгибы; лопасти при этом легли на планширь.

Унтер, шлюпочный старшина, критически обозрел гребцов и, видимо, остался доволен.

– Вёсла...

Истёртые кожаные манжеты скользнули в уключины. Лопасты замерли, не касаясь воды.

– ...на воду!

Гребцы разом, с синхронностью, которой позавидовал бы любой почётный караул, занесли лопасти к носу. Слитный гребок толкнул гичку вперёд.

– Два-а-а – раз! Два-а-а – раз! Навались, ребята!

Белая стена борта быстро удалялась. Шкипер Бувиль сидел на банке перед бароном и безучастно ковырял башмаком решётчатые рыбины на дне шлюпки.

«Ему что, вообще на всё наплевать? – недоумённо подумал Гreve. – Попался на доставке военной контрабанды – и спокоен, как удав».

Барон поднял взгляд – на мостике интригующе маячила знакомая фигура. Ветер рвал из рук женщины открытый зачем-то зонтик.

«Вдова, значит? Любопытно, весьма любопытно...»

– ...Два-а-а – раз! Два-а-а – раз!..

...24°04'46 N, 64°49'42 E. Задержан идущий под бельгийским флагом пароход «Луиза-Мария» с грузом оружия и амуниции, квалифицированным как военная контрабанда. Порт назначения Карачи. Ввиду хорошего хода и достаточного количества угля, решено приз не топить, а конфисковать вместе с грузом, чтобы в дальнейшем использовать как вспомогательное судно. Для этого на пароход выделена призовая команда под началом...

В дверь постучали.

– Вы позволите, господин капитан-лейтенант?

Михайлов захлопнул журнал.

– Это вы, Карл Густавыч? Заходите, и прошу вас, без чинов. Мы не на мостике.

Командир клипера, как и прочие офицеры, упорно именовал барона Карлом Густавычем вместо чеканно-остзейского «Карл-Густав», и он уже устал объяснять, что имя его отца вообще-то не Густав, а Франц, и правильное обращение звучит «Карл Францевич».

Впрочем, Гreve не обижался. Кают-компания «Крейсера» за время боевого похода стала настоящей семьёй, в которой не принято обращать внимание на всякие пустяки. Густавыч так Густавыч.

– Я, собственно, вот по какому делу, Леонид Васильевич. Пассажирка с бельгийской посудыны...

В нескольких словах он изложил просьбу вдовы судовладельца, не забыв описать саму просительницу.

– Что ж, Карл Густавыч, ничего не имею против. Полагаю, «Луиза-Мария» будет сопровождать «Крейсер» некоторое время – с тех пор, как мы отослали «Сынка», нам отчаянно не хватает быстрого разведочного судна. Страшно подумать, скольких купцов мы упустили из-за этого!

«Сынок» – бывший британский пароход «Мур», перевозивший на Цейлон уголь и артиллерийские запасы для флота. Перехваченный «Крейсером» ещё весной, он был довооружён, переименован и отдан под команду лейтенанта Пороховщикова, после чего некоторое время сопровождал клипер в качестве вспомогательного и разведочного судна. Но в конце концов приз пришлось отослать – накопилось слишком много команд с захваченных судов, прокорм и содержание их превратилось в нешуточную головную боль. Пленных перегрузили на «Сынка» и отправили во Владивосток. Вместе с ними на пароход передали захваченные судовые документы и большой мешок писем от команды «Крейсера».

– Так я распоряжусь, чтобы даму оставили, где она есть?

– Сделайте одолжение, барон. У вас всё?

Греве замялся.

– Ещё кое-что. Я давеча прихватил на «Луизе-Марии» пачку газет. Не вполне свежие, но уж какие есть. И вот послушайте, что я там отыскал...

Он продемонстрировал собеседнику потрёпанный газетный лист.

– «Таймс» от девятнадцатого июля. На второй полосе – официальное сообщение из канцелярии вице-короля Индии сэра Роберта Булвер-Литтона. В нём говорится, что осуждённые за подготовку мятежа офицеры-индусы отправлены согласно приговору на каторгу. Они, видите ли, собирались дожидаться, когда Гурко со своими молодцами вступит в пределы Индии, и взбунтовать свои части. Заговор провалился, троих главарей приговорили к смертной казни, остальных же присудили к бессрочной каторге на Андаманских островах.

– Андаманские острова... – капитан-лейтенант развернул карту. – Отправили их, надо полагать, пароходом из Калькутты. Не так уж далеко, давно должны быть на месте. Но... к чему это, Карл Густавыч?

Греве снова помедлил.

– Я подумал: а что, если нам сменить на некоторое время амплуа и из каперов превратиться в капитана Немо?

– Это вы о романе мсье Жюль Верна? – Михайлов недоумённо нахмурился. – Как же, наслышан, только название запомнил.

– «Восемьдесят тысяч вёрст под водой»⁴. Там в одном из эпизодов капитан подводного судна помогает повстанцам – доставляет им золото и оружие. Золота у нас, правда, нет, а вот оружия – полный пароход, причём превосходного.

Капитан-лейтенант некоторое время молчал, а когда заговорил – в его голосе зазвучали весёлые нотки.

– А знаете, лейтенант, мне ваша затея по душе. И ведь как красиво получается – если я не ошибаюсь, этот ваш Немо тоже был индусом и боролся против господства англичан?

– Не ошибаетесь, Леонид Васильевич. Так и было. Передадим этим каторжникам винтовочки и поможем перебраться назад, в Индию. А уж там они найдут способ посчитаться со своими палачами.

Михайлов кивнул.

– Освободить каторжников – такое, конечно, ни одной международной конвенцией не предусмотрено, но... Ладно, семь бед – один ответ! Уверен, офицеры клипера вас поддержат. Только вот что: на этой каторге, надо полагать, содержатся не только мятежники? Убийц, воров и прочих уголовных преступников тоже хватает?

⁴ Первое русское издание этого романа – 1870 г. В переводе Марко Вовчок.

– Об этом пусть у англичан голова болит, – беспечно отозвался Гreve. – С чего это нам об их швали думать?

– И то верно. Вот что, голубчик, отправляйтесь-ка вы на приз и принимайте командование. Но особенно не размахивайтесь, теперь каждая пара рук на счету. Хорошо хоть, после Филадельфии у нас увеличенный состав команды, двести пятьдесят человек вместо ста девяноста девяти по штатам – как раз в рассуждении того, что придётся отряжать людей в призовые партии. Иначе уж и не знаю, как и выкручивались бы! Воскобойникова, боцмана, возьмите с собой, пусть подберёт молодцов понадёжнее. Придётся вам малым числом управляться.

– Ясно, господин капитан-лейтенант! – радостно встрепенулся Гreve. Он явно не ожидал, что командир так скоро согласится с его прожектом. – Лишнего не возьму. Позвольте исполнять?

– Позволяю, – добродушно отозвался капитан-лейтенант. – Кстати, заодно присмотрите за этой дамочкой, вдовой судовладельца. Как там бишь её?..

И лукаво усмехнулся в усы.

Индийский океан

...сентября 1878 г.

– А ваша «Луиза-Мария» недурной парусный ходок, – сказал Гreve. – Не ожидал такого от коммерческого парохода. Обыкновенно паруса на подобных судах играют роль вспомогательную, а тут – смотрите, она почти не уступает «Крейсеру»!

Они любовались пенными усами, разбегающимися от форштевня. Горизонт был чист; голубизна тропического неба могла соперничать своей бездонностью разве что с глазами Камиллы – так звали новую знакомую барона. Он представился ей сразу, как только принял обязанности капитана приза, и получил в ответ холодную улыбку и сдержанный кивок: «Рада знакомству, мсье. Жаль, что оно состоялось при столь удручающих обстоятельствах...»

Но обстоятельства обстоятельствами, а тропическое солнце быстро растопило ледок. На второй день пассажирка уже улыбалась, раскланиваясь с новым капитаном. На третий – здоровалась, встретив во время утреннего променада. А на четвёртый прислала горничную-мулатку с предложением выпить вместе кофе под раскинутым над палубой тентом.

Чем они сейчас и занимались.

– Мой покойный супруг начинал капитаном торгового брига, – рассказывала женщина, – и когда строили «Луизу-Марию», он настоял на том, чтобы она получила этот великолепный гардероб.

Гreve кивнул. «Гардероб», как собеседница назвала парусную оснастку судна, действительно внушал уважение. «Луиза-Мария» гордо несла на трёх мачтах вооружение гафельной шхуны и при хорошем ветре демонстрировала отменные ходовые качества. Жаль было бы топить такую красоту...

Женщина отхлебнула из крошечной, полупрозрачного китайского фарфора чашечки. Кофейный прибор – серебряная бульотка и вазочка с коричневым тростниковым сахаром – стоял на маленьком столике. Тот вместе с парой плетёных кресел помещался в тени кожуха вентилятора. Из раструба доносился сдержанный гул. Котлы поддерживали давление, но машина не работала – «Луиза-Мария» и бегущий в её кильватере «Крейсер» сэкономили уголь, одевшись от палуб до клотиков в белоснежные полотнища.

– Мой супруг задумывал «Луизу-Марию» как особое судно, – продолжала меж тем Камилла. – Помнится, он говорил, что на её борту никогда не будет кирпича, цемента, угля, железнодорожных шпал и рельсов, бочек с машинным маслом, деталей машин – всех этих необходимых, но унылых атрибутов цивилизации.

– Не слишком практично в плане коммерции, – отозвался Гreve. Беседа шла на английском языке – как и большинство флотских офицеров, барон владел им в совершенстве.

– Таков уж он был. Став владельцем судоходной компании, Петер пользовался любым поводом, чтобы выйти в море. И в рейсах на «Луизе-Марии» он всегда брал особые грузы: ценные сорта дерева, животных, хлопок, фрукты, пряности, ткани, почту...

– А как же с нынешним содержимым ваших трюмов? Армейские винтовки с патронами – это, согласитесь, не похоже на рулоны шёлка и чёрное дерево!

– Мой супруг всегда был без ума от оружия. И даже вложил немалую сумму в акции льежских оружейных мануфактур, на которых, кстати, изготовлены эти винтовки. А его коллекция пистолетов и ружей соперничает с собранием короля Леопольда Второго!

Барон покачал головой.

– Но, мадам, именно этот груз может стоить вашей компании прекрасного судна. Не жалеете?

– Что вы, Шарль! – женщина мило сморщила носик. – Это так увлекательно! Сидя в сонном Брюсселе, я бы никогда не испытала подобного!

Лёгкий шквалик догнал «Луизу-Марию» полосой пенной ряби, сорвал с собеседницы шляпку, и та покатила по палубе.

Камилла ойкнула, мулатка – она дожидалась шагах в десяти от собеседников – со всех ног кинулась догонять беглянку. И не успела – шляпка подскочила, ударившись о шпигат, и канула за бортом.

– Какая ты неуклюжая, Лиззи! – женщина огорчённо всплеснула руками. – Это была моя любимая шляпка... Простите, Шарль, мне надо привести себя в порядок. Вы же видите...

И провела рукой по волосам. Гreve судорожно сглотнул. Ветер растрепал каштановые волосы, уложенные в изысканную причёску, и Гreve захлестнуло волной сладко-пряного запаха. Сандаловое дерево? Похоже...

– Сожалею, мадам, о вашей утрате.

Камилла поднялась. Мулатка была уже рядом – она испуганно глядела то на госпожу, то на её собеседника.

– По вечерам я обыкновенно пью у себя в каюте шоколад, – сказала женщина. – Если хотите, можете составить мне компанию. Я пришлю за вами Лиззи.

– В котором часу, мадам?

– Как это у вас называется... – женщина очаровательно наморщила носик в раздумье. Барон почувствовал, что его сердце пропустило удар. – После седьмой склянки – так, кажется?

– Семь тридцать пополудни, мадам. Я буду ждать.

– Вот и чудесно, мон ами!

И упорхнула, оставив за собой дразнящий аромат сандалового дерева.

– ... Впервые туда стали ссылать преступников ещё в тысяча семьсот восемьдесят девятом году, по решению британских властей Бенгалии, – рассказывал Гreve. – Причём европейцев на Андаманские острова тогда почти не везли. А после восстания сипаев возникла необходимость куда-то деть осуждённых рядовых участников восстания – вот на островах и устроили каторгу самого строгого режима.

Кают-компания «Крейсера» была полна. После третьей полуденной склянки офицеры, за исключением вахтенных, разумеется, собрались, чтобы послушать доклад барона. Капитан-лейтенант Михайлов, следуя вечному армейскому принципу «инициатива наказывается исполнением», велел Гreve извлечь из судовой библиотечки максимум сведений о цели будущего набега. Барон, перебравшийся по такому случаю назад, на клипер, два вечера просидел в кают-компании, обложенный книгами и подшивками газет, вздыхая про себя по прекрасной Камилле, скучающей на «Луизе-Марии» без его общества. Но время было потрачено не зря – с результатами своих трудов он и знакомил сейчас офицеров «Крейсера».

– Значит, Карл Гу... э-э-э... Францевич, каторжане – это по большей части туземные солдаты, сосланные туда после беспорядков пятьдесят девятого года?

Старший офицер клипера (единственный, кто дал себе труд запомнить правильное имя-отчество барона) на правах хозяина кают-компания старался поддерживать интерес к теме. Не самое простое занятие: иные офицеры, настроившиеся перехватить часик-полтора сна после обеда, откровенно позёвывали, прикидывая, надолго ли хватит докладчика.

– Ну, это вряд ли, Леонид Игнатьевич, – ответил Гreve. – Всё же двадцать лет прошло, вряд ли многие остались в живых. Климат там ужасный – остров Росс, на котором расположена главная каторжная тюрьма, на две трети покрыт малярийными болотами. Москиты, ядовитые змеи, пиявки... Кандалы, тяжкий, беспросветный труд – каторжники расчищают болотистые заросли для новых построек – быстро сводит в могилу любого здоровяка. А бежать некуда: аборигены, которых называют сентинельцами, имеют репутацию недружелюбных, опасных, диких людей. Они не желают приобщаться к цивилизации, зато охотно ловят беглецов и выдают их, вернее, их отрезанные головы администрации каторги. Возможно, отдельные счастливицы и сумели протянуть в таких условиях двадцать лет, но их наверняка можно пересчитать по пальцам. Впрочем, британские власти не дают каторжным баракам пустеть – туда ссылают и обычных преступников, и фанатиков-тагов, членов секты душителей, на которых англичане устроили настоящую охоту. В последние годы стали даже везти преступников из Англии, но немного – редкий европеец ухитряется протянуть больше лет трёх-четырёх, хотя бы и в должности надсмотрщика. Потому, кстати, охрана каторжной тюрьмы составлена по большей части из тех же индусов, а также из оштрафованных за разные провинности британских солдат. Так что, можно сказать, каторга там для всех – и для осуждённых, и для тюремщиков.

– Да уж, суший ад, – подытожил старший офицер. – А теперь – о том, что нам предстоит сделать. Прошу вас, Леонид Васильевич...

Михайлов откашлялся.

– Собственно, господа, замысел набега прост и прямолинеен, как гандшпуг. «Крейсер» врывается в гавань Порт-Блэра и высаживает десант. Портим, что под руку подвернётся, по возможности разоряем угольную станцию, после чего разбиваем из пушек казармы тюремной охраны на острове Росс и освобождаем каторжан.

Офицеры заперешёптывались. Лихое дело всем пришлось по душе.

– А ежели в гавани окажется британский стационар? – спросил старший артиллерист. В кают-компания он был самым старшим – и, как следствие, самым здравомыслящим.

– Британцы сейчас собирают корабли и суда по всем колониям, – ответил из дальнего угла штурманский помощник мичман Вахмистров. – Они не станут держать в такой дыре ничего серьезнее старенькой колониальной канонерки. Окажется там стационар – раскатаем к псам!

– А прочие суда? Сожжём?

– Ну зачем же так? – улынулся в ответ Михайлов. – Постараемся найти для них более толковое применение. Вы говорили, Карл Густавыч, в гавани обычно отстаиваются мелкие суда?

– Всё верно. В основном это шхуны торговцев, ведущих дела с жителями островов. Они же доставляют провиант и прочие необходимые товары для служащих каторги и заключённых. Кроме того, при известном везении в Порт-Блэре можно застать судно, доставившее из Калькутты очередную партию заключённых. Если верить газетам, – барон постучал пальцем по пожелтевшей подшивке еженедельника «The Bombay Times and Journal of Commerce» за 1869 год, – такие рейсы случаются раз в два-три месяца.

– Будем надеяться, нам повезёт. Дело в том, господа, что с захватом этих судов начнётся вторая, самая рискованная часть нашего набега. Сколько винтовок на бельгийской посудине, полторы тысячи?

– Тысяча четыреста сорок штук плюс триста офицерских револьверов, – ответил старший офицер. – К винтовкам по двести шестьдесят патронов на ствол.

– Этого вполне достаточно. Полагаю, приговорённые к каторге индийские солдаты и офицеры не разучились пользоваться оружием...

Андаманские острова.

...сентября 1878 г.

Корабль её величества «Нимбл», деревянная канонерская лодка, сошедшая со стапеля в далёком 1860 году, не была, что называется, гордостью королевского флота. Одна из бесчисленных «колониальных» канонерок, она выполняла роль стационара в разных портах Индийского океана. А с 1869 по 1874 год исправно несла службу в Занзибаре, гоняясь за работоторговцами, который уже век поставлявшими свой товар на невольничьи рынки Аравии, Персии, Индии. С началом Второй восточной войны (так с лёгкой руки лондонских репортёров стали именовать текущий конфликт) «Нимбл» перевели в Ост-Индскую станцию Ройял Нэви и назначили стационаром в Порт-Блэр.

Если бы командиру канонерки командиру Фредерику Ли сказали два года назад, что он будет с тоской вспоминать о Занзибаре, он рассмеялся бы шутнику в лицо. Но Андаманы с лихвой перекрыли самые скверные его ожидания. Можно только гадать, чем командер ухитрился так не угодить начальству, но факт есть факт: другую столь же отвратительную дыру в Индийском океане стоило ещё поискать. Команда сатанела от тоски и тихо спивалась, благо джин, настоящий на коре хинного дерева, служил хоть какой-то защитой от малярии – за полгода болезнь свела в могилу пятерых матросов и мичмана Оллиндера. Пополнения на смену умершим не было, сколько ни слал командер Ли запросы на имя командующего Ост-Индской станцией контр-адмирала Корбетта. Порой казалось, что о «Нимбле» попросту забыли. Кто-нибудь из штабных офицеров поставил крестик на карте возле кружочка с надписью «Порт-Блэр», сделал запись в журнале перемещения боевых единиц, и всё: точка закрыта, думать больше не о чем, служите, пока не возникнет иная надобность...

Вот командер Ли и служил. Поддерживал, как мог, расплзающуюся по швам дисциплину, заставлял матросов неустанно драить и красить деревянный корпус канонерки, борясь с вездесущей тропической гнилью, регулярно устраивал артиллерийские и парусные учения и даже выходил время от времени в море – досматривал по запросу каторжной администрации шхуны торговцев на предмет запрещённых товаров и беглецов. Последних, впрочем, почти не случалось – сентинельцы знали своё дело, исправно сдавая охране по две-три свежееотрезанные головы в месяц в обмен на дешёвые стальные ножи и отрезки ситца.

Когда не намечалось очередных экзерциций или выхода в море, командер позволял экипажу – кроме вахты, разумеется, – ночевать на берегу. Деться оттуда всё равно некуда, так пусть лучше надираются в двух имеющихся в Порт-Блэре кабаках, чем устраивают пьяные потасовки в кубриках. Вот и сегодня на канонерке кроме самого командера присутствовал дежурный офицер, второй лейтенант Мак-Кормик, боцман да дюжина матросов. И именно Мак-Кормик поднял тревогу при виде русского клипера, входящего с утренним приливом в гавань.

Упражнения и тренировки, которыми командер, борясь со стационарной скукой, изнурял своих людей, не пропали даром. Пары разводить даже не пытались – большая часть машинной команды была на берегу, да и времени на это уже не оставалось. Клипер приближался, и Ли скомандовал занять места у орудия – гладкоствольной шестидесятичетырёхфунтовки, составлявшей главный калибр «Нимбла». Ещё двое матросов под командой боцмана встали к антикварной медной карронаде левого борта. По случаю изнуряющей духоты матросы спали прямо на палубе, так что много времени на это не ушло – к орудиям становились как были, босыми, в подштанниках, не натянув белые матросские рубахи.

Первой выпалила карронада, открыв первую в унылой истории Порт-Блэра морскую баталию. И не промахнулась: чугунное ядро угодило прямым в грот-марса-рей «Крейсера»,

расщепив лисель-спирт и перебив брасы. На этом воинская удача командера Ли и закончилась. Бомба шестидесятичетырехфунтовки бесполезно провыла над шканцами клипера, в ответ рывкнули шестидюймовки – русский командир, рассчитывая проникнуть в гавань тишком, держал «Нимбл» на прицеле. Две стальные бомбы, выпущенные с дистанции в три кабельтовых, угодили в несчастную канонерку – одна в машинное отделение, другая под фок-мачту на уровне ватерлинии. Следом рывкнули орудия помельче, но это было уже лишнее: «Нимбл» быстро погружался, кренясь на левый борт, и с палубы в чёрную воду гавани горохом сыпались люди.

– Местный комендант, или как он там называется, о сопротивлении даже не помышлял, – рапортовал барон. Его во главе отряда с «Крейсера» отрядили на захват казарм колониальной стражи. – Собрал стрелков на плацу, а как только явились мы – приказал сложить оружие. И сам подал пример. Ну, я усердствовать не стал: велел оставить офицерам и сержантам револьверы, а сверх того, каждую четвертую винтовку. На острове полно дикарей, когда мы уйдём, они вполне могут учинить резню. Да и винтовочки, надо сказать, редкостный хлам – передельные «энфильды», вроде тех, из-за которых взбунтовались сипаи⁵. А вот пушки мы забрали. Две медные полевые двенадцатифунтовки, ровесники «энфильдов». Помнят, надо думать, ещё Крымскую кампанию. Сейчас их грузят на «Сенегал».

«Крейсерцам» несказанно повезло. Кроме трёх маленьких «островных» шхун, в гавани оказался пароход – старая, но достаточно мореходная колёсная посудина, направлявшаяся из Калькутты в Сингапур с грузом хлопчатобумажных тканей и зашедшая в Порт-Блэр для мелкого ремонта машины. Обнаружив такой подарок судьбы, Михайлов велел выкинуть тюки на пирс и срочно перегружать на «Сенегал» (так назывался пароход) винтовки и прочую аммуницию с «Луизы-Марии». Шкипер, он же судовладелец и хозяин груза, немолодой, огненно-рыжий шотландец, уныло наблюдал с берега, как чужаки разоряют его собственность. Он попытался убедить русского капитана, что лично он, уроженец Хайленда и добрый католик, ненавидит англичан, соблюдает в этой войне нейтралитет и даже сочувствует России, сумевшей щёлкнуть проклятых сассанов по носу. Но, увы, не преуспел: Михайлову до зарезу нужен был его пароход для осуществления коварного замысла Грeve.

В общем, если не считать недолгой канонады в гавани (стоившей жизни храброму командеру Ли и семи его подчинённым), захват Порт-Блэра прошёл тихо, без сучка и задоринки. Местные обыватели меланхолично наблюдали за сменой власти из окошек своих хижин, и единственным пострадавшим из состава русского десанта стал кондуктор Голохвасько, лишившийся зуба в драке с английскими матросами. Бравые бритты не стерпели дерзкой попытки захватить один из двух кабаков Порт-Блэра и дали агрессору бой, прекратившийся после трёх револьверных выстрелов в потолок – мичман Завадский, отряжённый на захват этого стратегического объекта, не был настроен шутить.

А вот с каторжным островом вышло не так гладко. Когда, пополнив угольные ямы и заправив напоследок груды «чёрного золота», сваленного под открытым небом, «Крейсер» в сопровождении двух призов вошёл в гавань острова Росс, там всё уже было кончено. Неизвестно, откуда каторжане узнали о набеге на Порт-Блэр, но мятеж они подняли почти за сутки до прибытия «освободителей». У надсмотрщиков, охранников и прочих служащих каторжной администрации не было ни единого шанса – перебили всех, включая супругу и сыновей начальника каторги. Немногие чудом уцелевшие сумели скрыться в джунглях, где их ждали стрелы

⁵ Мятеж в индийских частях британской короны начался с отказа выполнять команду «скуси патрон», поскольку бумажные гильзы пропитывали свиным или говяжьим салом – что было одинаково неприемлемо и для солдат-индуистов, и для мусульман.

и отравленные колючки дикарей. И первое, что увидели русские моряки, это воткнутые в землю бамбуковые колья с насаженными на них головами и толпу измождённых, оборванных до последней крайности людей, радостно приветствующих «Крейсер». У всех на запястьях и лодыжках зияли кровавые язвы – кандалы на острове Росс не снимали даже с больных. Теперь эти атрибуты неволи, соединённые в гирлянды, украшали частокол из шестов с останками тюремщиков.

– Дикари, совершеннейшие дикари... – повторял барону командир клипера, рассматривая в бинокль эти страшные атрибуты мятежа. – Ну, Бог им судья, натерпелись... Вы, Карл Густавыч, вот что: берите-ка два десятка матросиков с винтовками и отправляйтесь на берег. Выясните, что там и как – только, умоляю, осторожней с этими армеутами. А я на всякий случай велю подать к пушкам картечь – мало ли что им в головы придёт...

Опасения капитан-лейтенанта оказались напрасны. Ссылные офицеры (те самые, о которых Гreve когда-то прочёл в бомбейском еженедельном листке) собрали вокруг себя группу заключённых-сипаев, вооружили их отнятым у охраны оружием и установили какой-никакой порядок. Вожаки мятежников встретили русских моряков прямо на пирсе, намереваясь просить о помощи, – и несказанно удивились, узнав, ради чего те прибыли на остров Росс.

На то, чтобы собрать освобождённых каторжников, разбить их на отряды по пятнадцать-двадцать человек, ушёл остаток дня. Всего на острове содержалось около трёхсот заключённых; половину из них погрузили на «Сенегал», остальных распихали по шхунам. Хижины и бараки на берегу весело пылали, подожжённые на прощание. Барон Гreve с мостика «Луизы-Марии» (он снова принял командование пароходом) бросил последний взгляд на поднимающиеся к небу клубы дыма и скомандовал «малый вперёд». Пароход, ведя на буксире две из трёх забитых людьми шхун, потянулся к выходу из гавани вслед за «Крейсером».

Бенгальский залив.

К северу от порта Мадрас

...октября 1878 г.

Муссоны – обычное погодное явление для северо-восточной части Индийского океана. Зарождаясь над океанскими просторами с сентября по декабрь, эти устойчивые тропические ветра несут в Восточную Индию массы влажного тёплого воздуха и оборачиваются затяжными штормами вдоль всего побережья Бенгальского залива.

В одну из таких штормовых полос и попал караван, возглавляемый «Крейсером». Шхуны с повстанцами нещадно мотало на буксире у «Луизы-Марии» и «Сенегала». Последнему тоже приходилось нелегко – неуклюжие приспособления, приводящие его в движение, скрипели под ударами семибалльных волн, и людям на борту (Михайлов велел оставить на пароходе прежний экипаж, приставив к ним крейсерского мичмана с двумя матросами) оставалось молиться, чтобы клёпанные ажурные конструкции колёс выдержали этот напор. Пока вроде выдерживали – «Сенегал», волокущий на длинном тросе одну из островных шхун, исправно держался за «Луизой-Марией» и на все запросы отвечал торопливыми махами флажков: «В помощи не нуждаюсь. Следую за мателотом».

– Тяжело им там приходится, – заметил Гreve, наблюдая за шхунами, прыгающими в волнах за пароходом. – Мало того что люди истощены каторгой, так ещё и штормовой переход! Небось, хором травят сейчас за борт... Высадим на берег – едва ползать смогут. Много ли с такими навоюешь?

Камилла – с тех пор как барон вернулся на пароход, она старалась проводить с ним как можно больше времени – недовольно сморщила носик:

– И кому пришло в голову превратить наше прекрасное судно в буксир для этих оборванцев? Я вообще не понимаю, Шарль, почему мсье *Mihailoff* не распорядился отпустить нас

ещё во время стоянки в Порт-Блэре! В конце концов, королевство Бельгия не воюет с вашей страной, а винтовок, пресловутой военной контрабанды, на борту больше нет. Зачем же нас и дальше удерживать?

Греве скрыл усмешку. Этот диалог почти в точности повторял беседу, состоявшуюся между ним и командиром клипера перед уходом с Андаманских островов.

– Я бы и рад отпустить пароход, дюша мой, но придётся пока подождать, – объяснял Михайлов. – Шкипер «Луизы-Марии» охотно выложит первому же встречному англичанину всё, что знает о «Крейсере». Сами посудите, к чему нам это? Нет уж, придётся вашей сахарной вдовушке немного потерпеть. Сбудем с рук наших индийских друзей, зайдём в какой-нибудь нейтральный порт взять угля и пресной воды – там с ними и расстанемся. Да и буксир лишний сейчас не помешает. «Крейсеру» лучше оставаться свободным от вериг и конвоировать эту инвалидную команду. Вдруг буксирный трос оборвётся – надо же кому-то ловить сорвавшихся?

Но не излагать же эти соображения его нынешней собеседнице?

Барон деликатно приобнял собеседницу за талию.

– Вы так торопитесь расстаться со мной, мон шер ами?

В ответ Камилла расцвела очаровательной улыбкой.

– Что вы такое говорите, Шарль! И это после того как я... решительно, вы неблагодарны, как все мужчины!

– Не судите так строго, мадам...

Греве огляделся – не видит ли кто? – и легко прикоснулся губами к её шее, чуть ниже аккуратного розового ушка, в котором блестела изумрудная капелька.

– Разумеется, мы вас отпустим – когда доставим этих бедняг... туда, куда их надо доставить. Капитан-лейтенант планирует вскорости покинуть этот район Индийского океана, вот тогда и...

– Значит, мы с вами расстанемся? – огорчилась Камилла. Греве про себя удивился её непоследовательности: вроде только что сетовала, что русские не отпускают её пароход? – Вы должны дать мне слово, что обязательно найдёте меня в Европе. Эта бессмысленная война не может длиться долго!

– Крымская война – у вас её называют Восточной – продолжалась два с половиной года, с октября пятьдесят третьего по март пятьдесят шестого года. И вовсе не такая уж она бессмысленная...

– Значит, вы хотите заставить меня ждать целых полтора года?

– Я офицер, мадам, и присяга требует... – принялся оправдываться барон, но женщина его уже не слушала.

– Что-то я озябла Шарль, – заявила она, демонстративно кутаясь в шёлковую шаль. – Пойдёмте в мою каюту, Лиззи, наверное, уже приготовила кофе...

И улыбнулась – обещающе, призывно. Улыбка, её взгляд, требовали: прямо сейчас, ни мгновения не медля, согреть её в объятиях, увести в каюту, избавить от отсыревшего на промозглом ветру платья и уложить – горячую, страстную – на простыни огромной кровати, украшающей просторную, как адмиральский салон, спальню...

За спиной забухали по палубному настилу башмаки. Греве, едва не чертыхнувшись, повернулся.

Кондуктор-сигнальщик бодро отрапортовал:

– Так что, вашбродь, с «Крейсера» пишут: «На норд-норд-вест открылся берег!»

Барон повернулся.

– Прошу извинить, мадам, я должен быть на мостике.

– Это ведь Индия, Шарль? – встревоженно спросила женщина. – Вы же сюда везли этих несчастных? И когда вы намерены...

– Как только появятся новые сведения, я вам тотчас сообщу, – ответил он сухим официальным тоном. – А сейчас мне пора. Служба-с...

Он повернулся на каблуках и отправился к трапу, лопатками ощущая её огорчённый взгляд. Нет чтобы этой треклятой Индии объявиться хоть часа на два позже! Да, нелегка ты, доля военного моряка – решительно некогда подумать о личной жизни!

Отступление первое

БЛЕСК И НИЩЕТА

ДВУХДЕРЖАВНОГО СТАНДАРТА

Двухдержавный стандарт! Как много в этом звуке слилось... если не для всякого русского сердца, то уж для знатока военно-морской истории наверняка. Когда к 1889 году с усилением военно-морской мощи Франции, Германии, России и Японии закончилась эпоха тотальной экономии на флоте, Британия заявила об избрании нового курса. Согласно ему, Королевский флот должен был стать сильнее, чем два любых других флота в мире, вместе взятых, – на тот момент это были Франция и Россия.

Но и раньше, начиная, пожалуй, с эпохи наполеоновских войн, концепция тотального превосходства на море во многом определяла образ мыслей политиков и кораблестроителей Британской империи. Особенно в том, что касалось численности и боевой мощи кораблей линии, в роли которых выступали тогда броненосцы.

И, видит Бог, их понастроили немало! Но куда больше в списках боевых единиц Ройял Нэви числилось других боевых единиц: винтовых фрегатов и корветов, шлюпов и канонерских лодок, призванных защищать становой хребет империи, морскую торговлю, опутавшую маршрутами перевозок весь мир. Океан окончательно превратился в торную (хотя порой и ухабистую) дорогу, по которой регулярно, согласно коммерческому расписанию, перемещались грузы, пассажиры, войска. Всё то, что делало могущество викторианской Англии по-настоящему всеобъемлющим и непререкаемым.

А где большая дорога – там и разбойники, не так ли?

Но – к делу. Возможно, кое-кому из наших читателей случилось пролистать знаменитый труд британца Мэхена «Влияние морской силы на историю». В этом случае они, несомненно, запомнили ту критику, которой британец подверг идею крейсерской войны, направленную на истребление торговли, ярыми сторонниками которой были французы. Несмотря на тот очевидный факт, что потери британского торгового тоннажа от штормов и прочих «неизбежных на море случайностей» значительно превосходили результативность французских каперов (те могли похвастать разве что многочисленными захватами рыбацких скорлупок в Северном море да истреблением британского каботажа в Ла-Манше), идея крейсерской войны обрела новую жизнь. И в особенности – после подвигов кептена Рафаэля Семмса и его «Алабамы».

Мы не будем детально разбирать действия крейсеров конфедератов, тем более что их жертвами стали лишь ничтожные проценты всех потерь торгового флота северян. Отметим лишь, что сразу две державы в то же самое время сделали ставку на крейсерскую войну, причём противник в обоих случаях был один и тот же – Британская империя.

Первыми поборниками этой идеи стали её авторы, французы. И увлеклись до такой степени, что, когда разразилась несчастливая для Второй империи война с Пруссией, французский флот оказался к ней совершенно не готов. Нет, он был достаточно многочислен и боеспособен,

но вот беда: французские адмиралы готовились к крейсерским действиям против англичан, которые одни могли стать союзниками Франции в борьбе с растущей мощью германской нации.

Итог закономерен: французский флот не принял в боевых действиях сколько-нибудь заметного участия. Единственное столкновение, случившееся возле никому не нужной Гаваны между французским авизо «Бувэ» и прусской канонеркой «Метеор», не в счёт, тем более что «лягушатники» в этом бою проявили себя не с лучшей стороны. Но это никого не отрезвило: новое поколение французских моряков и кораблей по-прежнему готовилось к истреблению британской торговли.

Второй державой, сделавшей ставку на концепцию крейсерской войны, стала Россия. Её выход в океаны после проигранной Крымской войны принёс с собой такое понятие, как «русская кругосветка», – когда фрегаты и корветы Российского Императорского флота огибали мысы Горн и Доброй Надежды, следуя на Дальний Восток для службы на Сибирской флотилии. Это были годы большой игры, годы соперничества Британии и России в Средней Азии, годы туркестанских походов и афганских кампаний. Две державы не раз оказывались на грани большой войны, так что выбор русских, не готовых к прямому противостоянию с броненосными английскими эскадрами, выглядел вполне логично. Боевые корабли под Андреевским флагом бороздили океанские просторы, следуя из Кронштадта во Владивосток и обратно, – и в случае начала войны с Британией они, превратившись в крейсера, принялись бы истреблять торговые суда на океанских трассах.

Разумеется, англичане это осознавали. А потому самым многочисленным классом в их флоте были отнюдь не броненосцы, а именно защитники торговли, призванные в числе прочего демонстрировать флаг империи в удалённых уголках земного шара. Но и двухдержавный стандарт, ещё не принятый официально, уже владел умами лордов адмиралтейства – вот и дымили на рейде Спитхеда колонны казематных, башенных и барбетных броненосцев и мониторов, внушая своим числом трепет недругам Туманного Альбиона.

Увы, неколебимой эта мощь выглядела только на парадах да в списках кораблей и судов королевского флота. На деле же необходимость защищать разбросанные по всему миру колонии и флотские базы превращала британское морское превосходство в опасную химеру. Слишком широко была раскинута сеть, слишком крупными были её ячей, слишком мало было телеграфных станций и кабелей, соединяющих острова и континенты. Дерзкий рейдер имел неплохие шансы ускользнуть от гончих, винтовых фрегатов и корветов, крестящих своими курсами океанские просторы. Другой вопрос, что и сами рейдеры имели не слишком много шансов на солидную добычу. Океан необъятен, и, чтобы поймать жирного торговца или транспорт с военными грузами, надо жаться к неприятельским портам, рискуя из охотников превратиться в добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.